

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Департамент «Исторический факультет»

Кафедра новой и новейшей истории

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой _____ Н.Н. Баранов
(подпись)

« _____ » _____ 201__ г.

ИМПЕРСКАЯ БОТАНИКА:
ТАИТИ, ДЖОЗЕФ БЭНКС И ПЕРВАЯ КРУГОСВЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ДЖ. КУКА (1768-1771 гг.)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА НА СОИСКАНИЕ
СТЕПЕНИ МАГИСТРА ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ
46.04.01 ИСТОРИЯ

Руководитель: Высокова В.В., д.и.н., профессор

подпись

Студент группы УГИМ-290202 Ф.И.О Шипицына Ю.С.

подпись

Нормоконтролер: Баранов Н.Н.

подпись

Екатеринбург
2021

Оглавление	
ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Историография, источники и методология по теме исследования	8
1.1. Историография вопроса.....	8
1.2 Характеристика источников.....	13
1.3.Методологическая основа работы.....	18
Глава 2. Джозеф Бэнкс и естественнонаучное знание в Британии во второй половине XVIII века.....	23
2.1. Становление ботаники в системе научного знания.....	23
2.2. Биография Джозефа Бэнкса	30
Глава 3. Имперский дискурс путевого дневника Джозефа Бэнкса.....	45
3.1. Первая кругосветная экспедиция Дж. Кука: состав, цели, участники	45
3.2. Таити: этнографическое и ботаническое описание острова.....	51
3.3. Способы фиксации наблюдений и особенности работы натуралиста	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
Список источников и литературы	69

ВВЕДЕНИЕ

В 1768-1771 гг. состоялась первая кругосветная экспедиция Дж. Кука, среди участников которой был натуралист и ботаник Джозеф Бэнкс (1743-1820). По возвращении из экспедиции популярность Бэнкса едва ли не превосходила популярность Кука. За свои заслуги: создание коллекции, насчитывающей свыше 30 тысяч экземпляров гербарных и живых образцов растений, описание примерно 3600 видов, среди которых 1400 были новыми, – Бэнкс вскоре был назначен советником короля по развитию Королевских ботанических садов Кью, а с 1778 г. и до момента своей смерти в 1820 г. оставался Президентом Лондонского королевского общества.

За полувековой период заботы о развитии ботанического знания Джозеф Бэнкс оказал беспрецедентное влияние на развитие науки в Британии. В историографии этот период получил название «эра Бэнкса»¹, а организованная при участии ученого сеть коммуникации внутри академического сообщества – «бэнксианская просвещенная империя»². Самого Бэнкса именуют при этом «Великим ханом ботанических коллекций»³, «властителем философов»⁴, «непревзойденным строителем империи»⁵, «покровителем естественной истории»⁶, «многогранным Мистером Бэнксом»⁷.

Свою официальную полную титулатуру первый баронет, член Тайного совета Великобритании, член Лондонского Королевского общества, Рыцарь-командор Ордена Бани, сэр Джозеф Бэнкс стремился так или иначе запечатлеть на портретах, которых при жизни ботаника было создано свыше

---

¹ Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. 2017. P. 1-11.

² Miller D. Ph. The Royal Society of London 1800-1835: a study of cultural politics of scientific organization (phd thesis) University of Pennsylvania, 1981. P. 3.

³ Tyler-Whittle M.S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. London, 1970. P. 84.

⁴ Cameron H. Ch. Sir Joseph Banks KB., P.R.S.: the autocrat of philosophers. London, 1952.

⁵ Gascoigne J. Science in the service of empire: Joseph Banks, the British state and the uses of science in the age of revolution. Cambridge, 1998.

⁶ Easterby-Smith S. Botanical collecting in eighteenth-century London // Curtis's Botanical Magazine. № 34(4). 2017. P. 4.

⁷ Musgrave T. The Multifarious Mr. Banks. From Botany Bay to Kew, the natural historian, who shaped the world. Yale, 2020. 368 p.

десятка, включая скульптуру. При этом Бэнкс подчеркивал: «тщеславие – отнюдь не тот каркас, на котором держится мой характер»⁸. Многие его современники считали иначе и высмеивали стремление ботаника увековечить память о себе и своих начинаниях, называя его «Ботанический Макарони»⁹, «Сэр Джозеф Маржа»¹⁰ и «министр научного бизнеса»¹¹. Сатирические памфлеты, карикатуры, пьесы, героем которых становился Бэнкс, свидетельствуют о том, что далеко не всегда поступки Бэнкса и, особенно, его деятельность в качестве президента Лондонского королевского общества соответствовали бытующим представлениям о должном поведении ученого. Ввиду специфики жанра сатиры, утрирующем качества своего героя, трудно объективно оценить, насколько справедливы высказываемые Бэнксу упреки. Ясно другое: яркая фигура натуралиста и его продуктивная исследовательская и управленческая деятельность не оставляли равнодушным ни его сторонников, ни противников.

Каков же на самом деле остов личности Бэнкса? Что побудило его заняться наукой и предпочесть в этом выборе престижным математике, физике, астрономии – ботанику? В чем заключался его исследовательский метод? Какие обстоятельства сделали его на более чем четыре десятилетия ответственным за определение вектора развития интеллектуальной и академической жизни Британской империи? В российской историографии до сих пор не были поставлены данные вопросы.

Новизна данной работы заключается в том, что впервые научная деятельность натуралистов и расширение Британской империи рассматриваются в комплексе, как взаимосвязанные процессы. Такой подход позволяет углубить и расширить понимание империи как государственно-

---

⁸ Fara P. The Presidential portraits: Joseph Banks in The National Library // National Library of Australian News. 1998. Vol.9., № 3. P. 7-10.

⁹ Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge, 2003. P. 16.

¹⁰ Fara P. The Presidential portraits: Joseph Banks in The National Library // National Library of Australian News. 1998. Vol.9., № 3. P. 8.

¹¹ Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge, 2003. P. 62.

политического образования, так и формирующийся в этот период естественно-научной картины мира, основанной на идее подчинения человеком природы. Взаимное пересечение научно-культурного и политического контекстов данной эпохи позволяет говорить о феномене «имперской ботаники».

Объект исследования – «эра Джозефа Бэнкса» как период в истории британской естествознания, в течение которого Джозеф Бэнкс участвовал в организации управления институциональных структур и оказывал прямое влияние на развитие интеллектуальной жизни в целом.

Предмет исследования – профессиональная деятельность Дж. Бэнкса как натуралиста в начале его профессиональной карьеры, а именно участие в первом кругосветном путешествии Дж. Кука (1768-1771), на примере изучения острова Таити.

Цель исследования: выявление практик и механизмов деятельности натуралистов в контексте складывания Британской империи на примере Джозефа Бэнкса и его деятельности на о. Таити во время первой кругосветной экспедиции Дж. Кука (1768-1771).

Задачи исследования:

- 1) Реконструировать биографию Джозефа Бэнкса, выделить этапы становления его личности и дать им характеристику;
- 2) Определить область исследовательского интереса натуралиста и выявить факторы формирования этого интереса;
- 3) Выявить состояние и степень развития естественнонаучного знания и отдельно ботаники как науки в Британской империи во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.;
- 4) Проследить используемые Дж. Бэнксом в начале его научной карьеры стратегии наблюдения, описания и интерпретации, а также способы презентации результатов исследований и сравнить их с типичными для данного периода стратегиями реализации научно-исследовательского потенциала.

5) Исследовать процесс инициации Дж. Бэнкса в научно-исследовательском пространстве и определить его сферы влияния в академическом сообществе.

6) Выявить факторы, обусловившие лидерство Дж. Бэнкса в среде ученых на начальном этапе его профессиональной деятельности.

Содержание исследования представлено в трех главах:

- в первой главе «Историография, источники и методология по теме исследования» дается постановка проблемы и обоснование выбора методологии и методики исследования;

- во второй главе «Джозеф Бэнкс и естественнонаучное знание в Британии во второй половине XVIII века» раскрываются факторы формирования исследовательского интереса, мотивация к исследованию, дается общая характеристика естественнонаучного знания во 2/2 XVIII века;

- в третьей главе «Имперский дискурс путевого дневника Джозефа Бэнкса» раскрываются стратегии наблюдения, описания и интерпретации, используемые Бэнксом при создании своего путевого дневника, ставшего впоследствии основой для дальнейших ботанических и этнографических изысканий. Участие Бэнкса в кругосветной экспедиции Кука рассматривается как решающий этап в карьере ученого, в ходе которого были заложены основания для того, чтобы в будущем возглавить Лондонское королевское общество.

Классификация источников по теме исследования. При проведении исследования были изучены такие законодательные акты, как Хартии Лондонского королевского общества¹². В качестве документов делопроизводства рассмотрены Отчеты и инструкции, составленные для участников первой кругосветной экспедиции Кука¹³. Среди материалов

---

¹² Charters of the 1660s / Royal Charters. URL: <https://royalsociety.org/about-us/governance/charters/> (дата обращения: 27.05.2021).

¹³ Secret Instructions to Captain Cook, 30 June 1768 // National Archives of Australia. URL: https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768.pdf (дата обращения: 03.05.2021).

публицистики использованы отдельные номера *Philosophical Transactions of the Royal Society* и *Curtis's Botanical Magazine* за 1778-1820 гг. Путевой дневник Джозефа Бэнкса¹⁴ и его письма стали важными источниками личного происхождения. Отдельную нишу занимают изобразительные источники: ботанические иллюстрации из собрания *Florilegium*¹⁵ как разновидность научной иллюстрации – необходимый элемент научных изданий по ботанике, а также портреты Бэнкса.

В качестве основного источника, отражающего специфику научно-исследовательской деятельности Бэнкса, был использован очерк «Нравы и обычаи на островах Южного моря», содержащий сведения не только о культуре племен, населяющих остров Таити, но также о местной флоре и фауне. Автором исследования выполнен перевод фрагментов данного сочинения.

Хронологические рамки исследования: последняя четверть XVIII – время, на которое приходится начальный этап профессиональной деятельности Дж. Бэнкса. Хронологические рамки «эры Бэнкса» не имеют четкого определения в историографии, зачастую связываются с периодом замещения Бэнксом должности президента Лондонского королевского общества (1778-1820). В данной работе под «эрой Бэнкса» понимается несколько более длительный период, который начинается с момента возвращения Бэнкса из первой кругосветной экспедиции, то есть с 1771 по 1820 гг. В связи с чем участием Бэнкса в первом кругосветном путешествии Кука придается особое значение «старта» научной деятельности как самого натуралиста, так и новой эры в развитии ботаники как области научного знания.

---

¹⁴ *Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771 / Ed. B.P. Sandford. Sydney: University of Sydney Library, 1998. In two volumes. Vol.1. 438 p.: Vol.2. 603 p.*

¹⁵ *Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. London, 2019. 320 p.*

Глава 1. Историография, источники и методология по теме исследования

1.1. Историография вопроса

В зарубежной историографии после периода относительно длительного забвения, последовавшего за смертью ученого в 1820 г.¹⁶, интерес к личности Бэнкса возрождается на рубеже XIX-XX вв. В 1896 г. директор Королевских ботанических садов Кью Джозеф Далтон Гукер предпринимает издание «Путевого дневника Джозефа Бэнкса, составленного в ходе первой кругосветной экспедиции Дж. Кука в 1768-1771 гг.»¹⁷. В 1909 г. выходит работа «Джозеф Бэнкс – отец-основатель Австралии»¹⁸ Джозефа Генри Майдена, видного британского ботаника, сделавшего успешную карьеру чиновника в структурах «ботанических подразделений» Нового Южного Уэльса и Сиднея. Нужно отметить, что Новый Южный Уэльс – второе место сосредоточения архива Бэнкса, и нахождение в этом городе по долгу службы, очевидно, сыграло решающую роль в решении Майдена подготовить публикацию о Бэнксе. Работы Э. Смита (1911)¹⁹, Дж. Бриттена (1920)²⁰, Дж. Г. Дэвиса (1943)²¹, Ч.Г. Кэмерона (1952; 1966)²² продолжают заданную Майденом тенденцию: в первой половине XX в. о Бэнксе пишут в основном ботаники и медики. В 1960-1980 гг. австралийский гистолог, специализирующийся на изучении свойств шерсти овец-мериносов, Гарольд Бернелл Картер, проникнувшись опытом Бэнкса по селекции мериносов в Австралии, углубляется в изучение наследия натуралиста и выпускает пять

---

¹⁶ В год смерти Бэнкса в периодической печати анонимно публикуются два текста воспоминаний о Бэнксе: *Anonymous*. Biographical memoirs of the late Right Honorable Sir Joseph Banks // *Philosophical Magazine*. 1820. № 56. P. 40-46; *Anonymous*. Memoir of Sir Joseph Banks // *New Monthly Magazine*. 1820. № 14(2).P. 185-194.

¹⁷ *Hooker J. D.* (editor) *Journal of the Right Hon. Sir Joseph Banks Bart, KB, PRS during Captain Cook's first voyage Endeavour in 1768-1771 to Tierra del Fuego, Otahite, New Zealand, Australia, the Dutch East Indies, etc.* Macmillan. New York, 1896. 466 pp.

¹⁸ *Maiden J. H.* *Sir Joseph Banks: the "father of Australia"*. London, 1909. 244 pp.

¹⁹ *Smith E.* *The life of Sir Joseph Banks, President of the Royal Society, with some notices of his friends and contemporaries.* London, 1911. 331 pp.

²⁰ *Britten J.* Banks as a botanist // *Proceedings of the Linnean Society. Supplement*. 1920. № 132. P. 15-20.

²¹ *Davies J. G.* Sir Joseph Banks, P. C., K. C. B., F. R. S. (1743-1820) // *Nature*. 1943. № 151. P. 181-183.

²² *Cameron H. C.* *Sir Joseph Banks K. B., P. R. S.: the autocrat of philosophers.* London, 1952. 341 pp.; *Cameron H. C.* *Sir Joseph Banks.* London, 1966. 341 pp.

публикаций, посвященных различным аспектам работы Бэнкса²³. Среди работ Картера для нас особую ценность представляет издание корреспонденции Бэнкса, связанной с подготовкой отправки коллекции растений вместе с дипломатической миссией в Россию для Екатерины II²⁴. Исследовательница истории науки из Новой Зеландии Аверилл Лисагт²⁵ предпринимает попытку комплексного подхода к изучению наследия Бэнкса. В 1990-е гг. в работах австралийского историка науки и техники Джона Гаскона²⁶ впервые дается развернутая интерпретация имперской трактовки деятельности Бэнкса.

Важным шагом в изучении наследия Бэнкса стала публикация источников. В период с 1980 по 1990 гг. Крисом Хамфрисом, сотрудником лондонского Музея естественной истории (Natural History museum) совместно участниками масштабного издательского проекта The Alecto Historical Editions, впервые была предпринята публикация всех 743 цветных гравюр – ботанических иллюстраций из цикла *Florilegium*. Издание имело ограниченный тираж (всего 100 экземпляров), а все собрание было разделено на 34 части. В настоящее время с оцифрованными иллюстрациями, опубликованными в рамках этого проекта можно познакомиться на сайте издания²⁷. Позднее различными учеными предпринимались попытки

---

²³ *Carter H.B.* His Majesty's Spanish flock: Sir Joseph Banks and the merinos of George III of England. Londo, 1964. 520 p.; *Carter H.B.* Sir Joseph Banks and the plant collections from Kew sent to the Empress Catherine II of Russia, 1795 // *Bulletin of the British Museum*. 1974. № 4(5); *Carter H.B.* Sir Joseph Banks (1743-1820): a guide to biographical and bibliographical sources. London, 1987. 328 p.; *Carter H.B.* Sir Joseph Banks, 1743-1820. London, 1988. 671 p.; *Carter H.B.* The Banksian natural history collections of the Endeavour voyage and their relevance to modern taxonomy. // *Special Publ. of the Society for the Bibliography of Natural History*. 1981. № 1. P. 63- 68

²⁴ *Carter H.B.* Sir Joseph Banks and the plant collections from Kew sent to the Empress Catherine II of Russia, 1795. *Bulletin of the British Museum*. 1974. № 4(5).

²⁵ *Lysaght A.M.* Joseph Banks in Newfoundland and Labrador, 1766: his diary, manuscripts, and collections. Univ. California Press. 1971. 512 p.; *Lysaght A.M.* Bank's artists and his Endeavour collections / Captain Cook and the South Pacific // ed. Mitchell T. C. *British Museum Yearbook*. London, 1979. № 3. P. 9- 80.

²⁶ *Gascoigne J.* Joseph Banks and the English Enlightenment: useful knowledge and polite culture. Cambridge, 1994. 324 p.; *Gascoigne J.* Science in the service of empire: Joseph Banks, the British state and the uses of science in the age of revolution. Cambridge. 1998. 256 p.; *Gascoigne J.* The scientist as patron and patriotic symbol: the changing reputation of Sir Joseph Banks // *Telling lives in science: essays in scientific biography*. Cambridge. 1996. P. 243-263.

²⁷ The Alecto Historical Editions. URL: <https://www.alecto-historical-editions.com/> (дата обращения: 28.04.2021).

опубликовать отдельные иллюстрации, снабдив их научным комментарием. Среди таких изданий стоит отметить проект, совместно реализованный историком Мелом Гудингом, ботаником Дэвидом Мабберли и дизайнером Джоа Стадхолм: специалисты совместно подготовили к публикации 147 гравюр-иллюстраций, снабдив их исчерпывающим комментарием, включающим в себя историческое эссе об обстоятельствах появления изображений, их научном предназначении и способе создания и репрезентации в данной книге (первое издание вышло в 2017 г., второе – в 2019)²⁸.

В 1990-е гг. в фокусе внимания австралийских специалистов оказывается труд Бэнкса: Университетская библиотека Сиднея в 1997 г. в виде электронного издания публикует путевые записки Бэнкса под названием *The Endeavor journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771*²⁹, а в 1998 г. при участии Университетской библиотеки Сиднея и Библиотеки Митчелла (Mitchell Library) этот же труд выходит в виде двухтомного постраничного электронного издания, в котором переданы рисунки и пометы автора на полях³⁰.

Начало новым направлениям в исследовании личности Бэнкса положил Нил Чамберс, британский историк науки из Университета Ноттингем Трент. В начале 2000-х гг. он возглавил проект по изучению архивов Джозефа Бэнкса (the Sir Joseph Banks Archive Project)³¹, организовал выставку «Джозеф Бэнкс, великий первооткрыватель – линкольнширский джентельмен и его политика» (Joseph Banks, A Great Endeavour – a Lincolnshire Gentleman and his Legacy), которая проходила с 14 февраля по 11 мая 2014 в г. Линкольн,

---

²⁸ Gooding M., Mabberley D., Studholme J. *Joseph Banks` Florilegium: Botanical Treasures from Cook`s First Voyage*. London, 2019. 320 p.

²⁹ Banks J. *The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771*. Sydney, 1997. [A digital text sponsored by State Library of NSW].

³⁰ Banks J. *The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771* / Ed. B.P. Sandford. Sydney, 1998. In two volumes. Vol.1. 438 p.: Vol.2. 603 p.

³¹ The Sir Joseph Banks Archive Project. URL: <https://www.ntu.ac.uk/research/groups-and-centres/projects/the-sir-joseph-banks-archive-project.-registered-charity-1116997> (дата обращения: 24.04.2021)

Великобритания, и, главное, подготовил к публикации пять тематических томов корреспонденции Бэнкса, снабдив их научным комментарием³². Опубликованные источники позволили таким ученым как Патриция Фара³³, Джордан Гудман³⁴ и Саймон Веррет³⁵ по-новому взглянуть на обстоятельства, в которых действовал Бэнкс и предложить оригинальную интерпретацию основных мотивов его деятельности.

Так, П. Фара в своей монографии проводит в биографии Бэнкса параллели с крупнейшим ученым той эпохи Карлом Линнеем, раскрывая специфику профессии ботаника XVIII века сквозь призму концепции «Пола, Науки, Государства» (в оригинале концепция имеет название «Three Ss: Sex, Science and the State»)³⁶. Дж. Гудмэн, напротив, подвергает сомнению «имперские амбиции» Бэнкса, считая, что значение экономико-политической повестки в истории науки чрезмерно преувеличено. По мнению историка, «посредник» в обширной сети коммуникации ученых – вот ключевая роль Бэнкса и его несомненный талант³⁷.

Профессор истории науки Университетского колледжа Лондона Саймон Веррет в 2016-2017 гг. возглавил коллектив ученых из различных исследовательских организаций в рамках грантового проекта под названием «Джозеф Бэнкс: наука, культура и перекройка мира в Индо-Тихоокеанском регионе». С целью изучить новые аспекты карьеры Джозефа Бэнкса и научной культуры его времени объединились исследователи из Лондонского

---

³² *Chambers N.* Letters of Sir Joseph Banks: a selection, 1768-1820. London, 2000. 468 p.; *Chambers N.* Joseph Banks and collections in the Age of Empire // In Anderson, R. G. W. *Enlightening the British: knowledge, discovery and the museum in the eighteenth century*. London, 2003. P. 99-113; *Chambers N.* The scientific correspondence of Sir Joseph Banks (1765-1820). London, 2007-2014; *Chambers N.* Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770-1830. London, 2007. 195 p.; *Chambers N.* Endeavoring Banks: exploring collections from the Endeavour voyage 1768-1771. London, 2016. 303 p.

³³ *Fara P.* Sex, botany, and empire: the story of Carl Linnaeus and Joseph Banks. Cambridge, 2003. 168 p.

³⁴ *Goodman J.* Painting the world: Joseph Banks and his collectors. London, 2020; *Goodman J.* After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1878-1810 // *Historian*. 2016/2017. №132. Pp. 10-14.

³⁵ *Werret S.* Joseph Banks: botanical explorer // *Nature's explorers: adventures who documented the natural world*. 2019. P. 46-55.

³⁶ *Fara P.* Sex, botany, and empire: the story of Carl Linnaeus and Joseph Banks. Cambridge, 2003. P. 2.

³⁷ *Goodman J.* Painting the world: Joseph Banks and his collectors. London, 2020.

королевского общества, Национального морского музея, Национальной портретной галереи и Университетского колледжа Лондона³⁸.

В 2019 году С. Веррет реализовал проект «Переосмысляя Джозефа Бэнкса», результаты которого нашли отражение в одноименном специальном выпуске *Notes and Records*. Авторы сборника Карл Топмпсон³⁹, Тим Фуллфорд⁴⁰, Ханна Уиллс⁴¹ и Эдвин Д. Роз⁴² исследуют принципиально новые аспекты жизни и карьеры Дж. Бэнкса и его связей с современниками.

Отдельно стоит сказать об историографии, рассматривающей естественную историю (*natural history*) не столько как узко специализированную дисциплину, но как повсеместно распространенное во второй половине XVIII – начале XIX вв. явление научной культуры, формирующее специфическую картину мира, в основе которой лежит убежденность «в возможности постижения и покорения человеком природы»⁴³, а также как «расходящееся направление культурных практик, направленных на понимание, объяснение и хозяйственную каталогизацию естественного мира»⁴⁴. По Ямпольскому «особенность естественной истории (и ее отличие от описаний памятников) заключалась в том, что она обращена на объекты, по сути, не имеющие истории, как бы существующие вне времени. Объекты эти никак не укоренены в «дискурсивных практиках» и являются, так

---

³⁸ Joseph Banks, *Science, Culture and the Remaking of the Indo-Pacific World*: <https://www.rmg.co.uk/collections/research/joseph-banks-science-culture-remaking-indo-pacific-world> (дата обращения: 25.04.2021)

³⁹ *Thompson C.* Women Travelers, Romantic-era science and the Banksian empire // *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society*. 2019. P. 431-455.

⁴⁰ *Fullford T.* The Role of Patronage in early nineteenth-century science, as evidenced in letters from Humphrey Davy to Joseph Banks // *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society*. 2019. P. 457-475.

⁴¹ *Wills H.* Joseph Banks and Charles Blagden: cultures of advancement in the scientific worlds of late eighteenth-century London and Paris // *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society*. 2019. P. 477-497.

⁴² *Rose E.D.* From the South Seas to Soho Square: Joseph Banks's Library, collection and Kingdom of natural history // *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society*. 2019. P. 499-526.

⁴³ *Prince S.A.* Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730-1860 // *Transactions of the American Philosophical Society, New Series*, Vol. 93. No. 4. 2003. P.1.

⁴⁴ *Шейтин С.* Научная революция / Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М., 2015. С.318.

сказать, объектами чистой видимости, совокупностью поверхностей, форм и цвета. Соответственно, естественная история изначально мыслит не столько в темпоральных категориях, сколько в категориях больших картин, коллекций, в которых объекты разных эпох и разных стран помещены вместе, в некоем кристалле одновременности, отражающем принцип непрерывности природы»⁴⁵. На неоднозначность понятия указывала в своих работах Сью Энн Принс: «естественная история» – любопытный термин. Не будучи ни “естественной”, ни “исторической”, это одновременно и концепция, и практика: концепция, которая до недавнего времени строилась на убеждении, что природа может быть разъединена и систематически уложена в большие стандартные схемы, и практика, которая включала в себя все: от чуел птиц и гербариев до исследования костных останков и создания иллюстраций»⁴⁶.

1.2 Характеристика источников

Несмотря на то, что Бэнкс щепетильно относился к собранным материалам и собственным бумагам: рукописям, письмам, счетам, и оставил после себя грамотно структурированный архив⁴⁷, судьба двух наиболее масштабных трудов Бэнкса была непростой и еще достаточно длительное время после смерти натуралиста они оставались неопубликованными.

Первый такой источник – *Florilegium*, масштабный проект, представляющий собой двухтомную Флору, содержащую изображения и описания 743 видов растений, собранных во время путешествия Бэнксом и зарисованных Сидни Паркинсоном. Над *Florilegium* Бэнкс начал работу над еще в 1771 году. Название *Florilegium* буквально переводится как «собрание цветов», но у этого слова есть и переносное значение: в Средние века так

---

⁴⁵ Ямпольский М.Б. История культуры как история духа и естественная история // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-kultury-kak-istoriya-duha-i-estestvennaya-istoriya.html> (дата обращения: 23.11.2020).

⁴⁶ Prince S.A. Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730-1860 // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 93. No. 4. 2003. P. 1-9.

⁴⁷ Smith J.P. Sir Joseph Banks /Botanical Studies. 2018. № 82. URL: https://digitalcommons.humboldt.edu/botany_jps/82 (дата обращения: 29.04.2021)

называли «собрания цитат», компиляции выдержек из различных книг Священного писания⁴⁸. Такая трактовка проекта Бэнкса также справедлива, ведь по традиции в книгах по естественной истории при составлении описания видов автору флоры необходимо было сослаться на используемую им систему классификации растений и часто было необходимо соотнести одну систему классификации с другими, перечислить несколько названий вида, так как еще не было устоявшихся наименований, а если этот вид был новым – обосновать данное ему название, опять же, со ссылкой на того или иного автора классификации. Систематизировать материалы Бэнксу помогала его сестра Сара София и личные помощники, однако эта работа осталась незаконченной и увидела свет лишь в XX веке. С рисунков Паркинсона гравером Фредериком Полидором Нодлером были выполнены высококачественные цветные гравюры, которые в настоящее время используются издателями при подготовке публикаций.

Второй источник – путевой дневник Бэнкса, который он вел во время участия в первой кругосветной экспедиции Дж. Кука, и который так же как *Florilegium* не был опубликован автором. Рукописный вариант путевого дневника был с разрешения Бэнкса использован доктором Джоном Хоксвортом при подготовке к публикации описания путешествия, составленного Дж. Куком (1793)⁴⁹. Формально публикация в составе этого издания могла бы считаться первым появлением текста Бэнкса в печати, однако Хоксворт, хотя и упомянул об использовании рукописи Бэнкса в полном названии работы⁵⁰, не сделал ни одной ссылки на данный источник в самом тексте. Так что различить, где чей текст не представлялось возможным

---

⁴⁸ Этимология слова *Florilegium*. URL: <https://educalingo.com/ru/dic-en/florilegium> (дата обращения: 27.05.2021)

⁴⁹ *Hawkesworth J. An Account of the Voyages Undertaken by the Order of His Present Majesty, For Making Discoveries in the Southern Hemisphere. Vol. I-III. London, 1793.*

⁵⁰ На титульном листе Хоксворт поместил следующее название: «Сообщение о путешествиях, предпринятых по указу Его Королевского Величества с целью сделать открытия в Южном полушарии, и успешно осуществленных командором Байроном, капитаном Уоллисом, капитаном Картером и капитаном Куком на кораблях «Долфин», «Свэллоу» и «Индевор», составленные из журнальных записей некоторых мореплавателей, а также с использованием бумаг Джозефа Бэнкса, эскайдера» (перевод мой – Ю.Ш.).

до 1893 года, когда адмиралом Уильямом Джеймсом Ллойдом Уортоном был опубликован путевой дневник Кука⁵¹. После публикации, предпринятой Уортоном, стало ясно, какие заметки в раннем сообщении, изданном Хоксвортом, принадлежат перу Кука. Однако какие строки написаны Бэнксом, так и оставалось загадкой. Так, стремление восстановить историческую справедливость и авторское право Бэнкса стало первой причиной предпринятой в 1896 году Джозефом Далтоном Гукером (1817-1911) редакции и публикации текста Бэнкса в качестве самостоятельного издания. Вторая причина – отсутствие на тот момент качественно подготовленных биографий Бэнкса и желание Гукера отдать должное исследовательскому гению и мастерству естествоиспытателя, незаслуженно забытого в ту пору, Бэнкса. Третья причина, названная издателем, связана с оценкой большого значения данного текста для истории науки: «Бэнкс передает реалистичный портрет труда натуралиста, каким он был около ста тридцати лет назад: его ежедневных занятий как во время плавания, так и на суше»⁵².

Дж. Д. Гукер с 1865 по 1885 годы занимал пост директора Королевских ботанических садов Кью и пользовался большим уважением в среде ученых. В поисках рукописей Гукер вынужден был вникнуть во все детали конфликта между наследниками Бэнкса, в результате которых оригинал рукописей был продан мистером Нетчбуллом-Хагиссоном, «непрямым потомком Бэнкса», на аукционе «Сотбис, Уилкинсон и Ходж» 17 июня 1886 года букинистическому магазину «Кворитч» в Лондоне. Впоследствии «Кворитч» продал рукопись австралийскому коллекционеру Альфреду Ли, который в свою очередь в 1906 году перепродал ее еще более крупному коллекционеру и собирателю книг Дэвиду Скотту Митчеллу (1836-1907). После смерти Митчелла в 1907 году источник перешел в ведение основанной им в г. Новый Южный Уэльс

---

⁵¹ *Cook J. Captain Cook's Journal during his First Voyage round the World, made in H.M. Bark Endeavour, 1768–71 / ed. W.J.L. Wharthon. London, 1893.*

⁵² *Journal of the Right Hon. Sir Joseph Banks Bart., K.B., P.R.S. During Captain Cook's First Voyage in HMS Endeavour in 1768–71 to Terra del Fuego, Otaheite, New Zealand, Australia, the Dutch East Indies. London, 1896. P. 9.*

(Австралия) библиотеки «Митчелл Лайбрери». Таким образом, оригинал навсегда покинул Британские острова в начале XX века. Каким же источником пользовался Гукер?

Прежде чем права на текст предъявил Нетчбулл-Хагисон, все бумаги, включая рукопись, находились в ведении Роберта Брауна, ботаника и личного библиотекаря Бэнкса, работавшего в его доме на Сохо Сквер. Браун намеревался составить жизнеописание Бэнкса, однако ввиду преклонного возраста и слабого здоровья передал бумаги Бэнкса своему родственнику Доусону-Тернеру, ботанику и антиквару, который также дружил с Бэнксом. Именно мистер Доусон-Тернер предусмотрительно поручил своей дочери сделать копии с рукописи. Эти копии поступили в Британский музей. Именно с ними работал Гукер. В 2011 году издательство «Кембридж Университи Пресс» осуществило переиздание публикации 1896 года. Насколько нам известно, других попыток издания дневника Бэнкса не предпринималось.

В данной работе мы используем текст 1998 года, который представляет собой электронное издание, выполненное с оригинала. Рукопись, попавшая в библиотеку Митчелла в 1907 году, долгое время оставалась невостребованной и была впервые опубликована в 1962 году новозеландским историком Джоном Коутом Бигльхолом⁵³. Историк проделал колоссальную работу в стремлении дать как можно более точный и полный комментарий к источнику, снабдив его картографическим и иллюстративным материалом из архивов Лондонского королевского общества, Британского музея, Музея естественной истории в Лондоне и других. В 1963 году вышло второе издание⁵⁴. Следующее обращение к источнику состоялось в 1990-е годы: в 1997 году источник был опубликован в электронном формате без указания ответственного редактора, но со ссылкой на Государственную библиотеку Нового Южного Уэльса и

---

⁵³ The "Endeavour" journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771 / ed. J.C. Beaglehole. Sydney, London, 1962.

⁵⁴ Ibid.

коротким предисловием, повествующем о судьбе рукописи⁵⁵; в 1998 году библиотека выпустила электронное издание в формате «Adobe Portable Document Format Acrobat 3.0 compatible», в новом варианте текст источника был снабжен оцифрованными рисунками автора и пометами на полях, редактором выступил Б.П. Сэндфорд⁵⁶.

Дж. Бигльхол дает такое объяснение небольшого количества научных публикаций самого авторитетного представителя академического сообщества Британии XVIII век: Бэнкс считал неэтичным и недостойным джентльмена поведением часто публиковаться тогда, как он имеет прямое влияние на рецензентов, а также в условиях ажиотажа ученых вокруг возможности ученых опубликовать статью, сообщение об открытии, отчет о результатах эксперимента, любое наблюдение⁵⁷. Бенджамин Сазерланд Уордхо полагает, что Бэнкс в целом без энтузиазма относился к публикации как форме презентации научного знания и говорил членам Лондонского королевского общества: «нам не нужны авторы»⁵⁸. Сигри и Уидмер в своем социологическом исследовании научных контактов и преемственности среди европейских ученых признаются в том, что наличие или отсутствие публикаций могут служить критерием ученого для XVIII века. Однако применение данного критерия в сравнении с применением критерия членства в академических сообществах более чем вдвое увеличивает выборку⁵⁹. Сандхья Пател, проведя сравнительный анализ путевых дневников Бэнкса и Кука пришла к выводу о том, что записи Бэнкса носят более непринужденный и естественный характер, тогда как Кук понимал, что его записи будут взяты

---

⁵⁵ *Banks J.* The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771. Sydney, 1997. [A digital text sponsored by State Library of NSW].

⁵⁶ *Banks J.* The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771 / Ed. B.P. Sandford. Sydney, 1998. In two volumes. Vol.1. 438 p.: Vol.2. 603 p.

⁵⁷ *Beaglehole J.C.* Introduction // The “Endeavour” journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771 / ed. J.C. Beaglehole. Sydney, London, 1962. P. 1-146.

⁵⁸ *Wardhaugh B.S.* Charles Hutton and the “Dissensions” of 1783-84: scientific networking and its failures // Notes and Records of the Royal Society. 2017. № 71. P. 46.

⁵⁹ *Sigrist R., Widmer E.D.* Training links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis // REDES – Revista hispana para el analisis de redes sociales. 2011. Vol. 21. № 7. [digital edition].

за основу отчетов о ходе экспедиции и потому его описания и оценки более сдержаны и несут на себе отпечаток самоцензуры⁶⁰. В связи с неоднозначным отношением Бэнкса к собственным публикациям и перечисленными трактовками возможных причин такого отношения, мы считаем целесообразным сконцентрировать свое исследование вокруг путевого дневника Бэнкса как источника, который не мыслился Бэнксом как самостоятельная публикация и создавался исключительно в личных целях как текст, позволивший бы ему продолжить работу над созданием коллекций уже по возвращении в Англию, восстановив в памяти детали путешествия. Выбор фрагмента «Нравы и обычаи на островах Южного моря» обоснован тем особенным местом, что он занимает в структуре дневника, являясь первым и одним из наиболее цельных композиционно и по смыслу объемным фрагментом дневника, а также тем, какое значение имела для Бэнкса высадка на Таити как первая длительная остановка во время длительного путешествия, которого он так ждал и к которому основательно подготовился, а также в ходе которой еще присутствовали все участники его исследовательской команды, часть из которых впоследствии погибнет.

1.3. Методологическая основа работы

История ботаники как самостоятельное направление исследований совокупности различных практик, относящихся к более общей сфере научной культуры для специалиста по истории науки второй половины XVIII – начала XIX вв. в последние два десятилетия оказывается одним из наиболее привлекательных направлений исследования⁶¹. Причины популярности историко-ботанических изысканий лежат, с одной стороны, в очевидно существенном влиянии открытий и достижений ботаники на формирование естественнонаучной картины мира в указанный период в целом, а с другой – в

---

⁶⁰ Patel S. Presentations and Representations of Contact. James Cook and Joseph Banks at Tahiti. The Endeavour Voyage 1767-1771 // Journal de la Societe des Oceanistes. 2013. № 136-137. URL: <https://journals.openedition.org/jso/6845> (date of access: 31.05.2021).

⁶¹ Moss S.R. Cultivating Curiosities: Plants as Collections in the Eighteenth century (phd thesis). Heslington, 2018. P. 17.

неочевидной на первый взгляд неоднозначности факторов складывания этого влияния, что в сумме открывает простор для интерпретаций. Выявление как минимум трех контекстов, в которых протекает бурное развитие ботанического знания во второй половине XVIII века: политического, научного, эстетико-символического, привело к формированию такого теоретического концепта как «имперская ботаника» (*botany of empire*). Вариации его применения были подробно освящены нами в статье «Имперская ботаника: современные подходы к изучению науки и власти в XVIII в.»: «Йота Батсаки, Сара Кэхалан и Анатолий Чикин, характеризуя этап развития ботаники с конца XVII до начала XIX вв., вводят понятие «имперская ботаника» (*the botany of empire*), подчеркивая, что «хотя ботаническое знание было широко распространено уже по меньшей мере с XVI в. (когда оно, по большей части, было включено в медицинское знание), только лишь в XVIII в. оно охватило весь населенный мир, поскольку главными игроками на поле ботанических изысканий стали ведущие колониальные силы». <...> Когда отдельные элементы, типичные практики и ключевых деятелей имперской ботаники рассматривают внутри исторического контекста, понятие «империя» подчас выступает удобной и, как может показаться, исчерпывающей категорией для анализа. В то же время значения и смыслы империи многочисленны и различны и охватывают как политические инструменты, так и подчиненные им людские ресурсы. Многообразие и сложность трактовок «империи» и невозможность полностью осветить их в рамках данной работы побуждают нас обратиться к противоположной тенденции, когда «империя» используется и для характеристики современной системы функционирования государств и международных отношений, и проследить, каким образом сторонники такого подхода проводят границу между современной империей и империей восемнадцатого столетия. Например, Майкл Хардт и Антонио Негри, говоря об империях XVIII в., отмечают что это были империи национальных государств, основанные на распространении суверенитета за пределы их границ посредством колониальной политики и экономической

экспансии. Авторы подчеркивают, что империи XVIII в. отличает наличие территориального центра власти и опора на «жестко закрепленные границы или преграды»⁶².

Имперская ботаника – это феномен становления ботаники как науки не «на фоне» империи, не «благодаря» ей и тем более не «вопреки», но – *внутри* границ имперского дискурса. Это феномен функционирования ботаники как науки, которая пользуется поддержкой политических институтов и участвует в экономической экспансии на благо суверенитета национальных государств при помощи распространения этого суверенитета за пределы центра»⁶³.

Концепт «имперской ботаники», призванный раскрыть сущность одноименного феномена, является относительно новым. При этом, так или иначе, тематика взаимодействия имперской власти и научных институтов затрагивается в работах, вошедших в следующие сборники и монографии: тематический раздел Transactions of the American Philosophical Society, подготовленный по итогам одноименной выставки «Чучела птиц, гербарии и стандартизированное знание: естественная история в Северной Америке, 1730-1860» (2003)⁶⁴; специальный выпуск Journal of History of Science and Technology, посвященный теориям и практикам распространения естественнонаучных образцов и формирования коллекций в XVIII–XIX веках под заголовком «Перемещенные природные объекты. Науки в пространстве «между» (2012)⁶⁵; уже упомянутый сборник «Имперская ботаника в долгом восемнадцатом веке» коллектива исследовательского центра «Думбартон Окс» в Вашингтоне (2017)⁶⁶; обобщающий труд Тоби Масгрейва

---

⁶² Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С.12.

⁶³ Шипицына Ю.С. Имперская ботаника: современные подходы к изучению науки и власти в XVIII в.// IMAGINES MUNDI. Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. № 11. Серия Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург, 2021. С. 218-227.

⁶⁴ Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730-1860 //Transactions of the American Philosophical Society, New Series. 2003. Vol. 93, No. 4. P. i-xviii, P.1-113.

⁶⁵ Moved Natural Objects. Spaces in Between//Journal of History of Science and Technology. Vol.5. 2012. 119 p.

⁶⁶ The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. 2017. 406 p.

«Многогранный Джозеф Бэнкс: от Ботанического залива до Кью, натуралист, изменивший мир» (2021)⁶⁷.

Другим слагаемым привлекательности историко-ботанических изысканий является эстетическая составляющая созерцания гербарных коллекций и ботанических иллюстраций в процессе изучения источников. Броская простота и красочная доступность иллюстративного ряда изданий по ботанике при ближайшем рассмотрении оказываются более сложным материалом для изучения, чем может показаться на первый взгляд. Специфика работы с источниками по истории ботаники заключается в необходимости знания методов и терминов, понимания логики исследования таких разных дисциплин, как история, ботаника и визуальная культура, и применения целой совокупности различных приемов и навыков работы с источником: знания существовавших в исследуемый период систем классификации растений, понимания отличий между биномиальным и полиномиальным принципами наименования видов; умения расшифровывать библиографические описания, используемые ботаниками, и на их основе реконструировать личную библиотеку и уровень владения терминологией того или иного автора; способности идентифицировать растения по их изображениям на иллюстрациях и гербарным коллекциям, а на основе коллекций — реконструировать маршруты коллекторов растений и способы приобретения образцов в коллекции; а также понимания специфики коммуникации между натуралистами, которые могли поддерживать контакты посредством корреспонденции, совместного участия в экспедициях, составления каталогов коллекций и «содержимого» ботанических садов друг для друга, peregrinations, patronage и ученическо-наставнических отношений.

Таким образом, методологической базой исследования стал междисциплинарный подход, позволивший объединить методы таких дисциплин, как история, ботаника, систематика и визуальная культура.

---

⁶⁷ *Musgrave T. The Multifarious Mr. Banks. From Botany Bay to Kew, the natural historian, who shaped the world. Yale, 2020. 368 p.*

Большое теоретическое значение имели разработки в сфере истории знания и социологии науки Лоррейн Дастон и Питера Галисона (теория научного этоса), Бруно Латура (авторно-сетевая теория). Теоретико-методологическая ценность работ Дастон, Галисона и Латура дополняется оригинальной методикой работы с визуальными источниками. Практика прочтения научных иллюстраций, положенная в основу исследований историков науки, послужила примером изучения визуальных источников для автора данной работы. Автором также применены историко-биографический и историко-типологический методы, методы работы с периодизацией.

Глава 2. Джозеф Бэнкс и естественнонаучное знание в Британии во второй половине XVIII века

2.1. Становление ботаники в системе научного знания

Современная историография истории науки предпочитает называть себя историей знания, особенно когда речь идет об эпохах, сильно удаленных во времени или переходных периодах. Вторая половина XVIII века традиционно считается временем зарождения науки современного типа, а весь XIX век – ростом специализации и институционализации научного знания. Говорить об истории знания также принято, когда исследуемый сюжет рассматривается в комплексе с социокультурными, политическими, морально-этическими феноменами: когда границы его перестают быть очерченными стенами лаборатории, обсерватории, библиотеки; когда этот сюжет оказывается сцеплен со множеством людей, интеллектуальных течений, экономических теорий и даже военных действий; одним словом, когда фрагмент истории конкретной дисциплины в процессе изучения превращается в просторное пространство для междисциплинарных исследований. В названии данной работы мы намеренно обращаемся к «истории науки», хотя все сказанное выше справедливо для предмета нашего изучения. Такое решение было принято по двум причинам: во-первых, в соответствии с идеей актуализации именно научного наследия Джозефа Бэнкса, а не организаторско-управленческого (слово «наука» в данном случае является более емким, нежели «знание»); во-вторых, ввиду исторического контекста. Вторая причина требует пояснения. Научная карьера Бэнкса является собой исключительный пример пути, который был начат в ситуации робкого дисциплинарного становления ботаники, прошел свой зенит в обстоятельствах, когда ботаника была на пике своей дисциплинарной популярности и был окончен с отделением от ботаники самостоятельных дисциплин: систематики и таксономии. Ввиду того, что Бэнкс половину своей жизни являлся руководителем ведущего научного института, его деятельность мы рассмотрим преимущественно на фоне функционирования этого учреждения.

В теоретическом плане ботаника стала лидером среди естественнонаучных дисциплин ввиду общей для естественной истории потребности в совершенствовании систематики и возможности предоставить разнообразный и относительно компактный эмпирический материал для изучения. Этот процесс происходил постепенно. «К концу XVII в. формируется основное понятие систематики — вид. Объединяя информацию о видах, систематика стала главным источником сведений о них для других биологических дисциплин. В конце XVII в. стало очевидно, что описание организмов невозможно без создания иерархической системы таксонов. Возникали вопросы о генеалогии важных признаков и о родственных отношениях между группами растений и животных. Их решение требовало узкой специализации»⁶⁸. Ботаника стала наиболее удобным полем для экспериментов с системами, в пространстве которого было возможно обозреть, описать и классифицировать растительный мир. Растения можно было в собственном саду, оранжерее, теплице, горшках на подоконниках собственной гостиной — они требовали столь много пространства и затрат на уход, как, например, животные или рыбы. Образцы растений можно было засушить, подклеить и сделать гербарий — удобную в применении коллекцию. Однако высушенные растения утрачивают цвет, и для того, чтобы обращаться к коллекции многократно, растения поручали зарисовать профессиональным художникам — так в игру вступали ботанические иллюстрации — компактные и наглядные средства репрезентации местной или экзотической флоры. Изобретением, которого так ждала естественная история, стала система классификации растений, предложенная шведским ботаником Карлом Линнеем.

Разработкой различных систем классификации занимались многие исследователи: к концу XVIII века существовало свыше 50 различных систем

---

⁶⁸ Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб, 2004. С. 18.

классификаций⁶⁹. Были среди ученых и те, кто как граф де Бюффон считали, что «что естественно-историческая классификация бессмысленна как форма философского постижения»⁷⁰.

Система искусственной классификации Линнея, предложенная в 1735 году обозначила чрезвычайно важный для всех естественных наук момент «сильнейшей онтологической редукции»⁷¹, когда реальная природа была сведена к идеальной и, таким образом, стала «пригодной» для изучения. Долгое время систематика считалась открытием Линнея, однако сегодня мы знаем, что впервые идею такой онтологической редукции предложил еще в 1583 г. итальянский врач Андреа Чезальпино (1515-1603)⁷². Так или иначе, именно Линней ввел латинские названия для каждого таксона, правило цитирования предшествовавших источников, принцип синонимичности, строгую иерархическую последовательность категорий класс, отряд, род, вид и разновидность, сформулировал критерии для определения близких форм – особенности органов размножения: «У растений учитывалось число, длина, срастание тычинок и пестиков цветка, а также одно- или двудомность. Исходя из этих принципов, Линней разделил 10 000 известных ему видов растений на 24 класса и 116 порядков»⁷³.

Наконец, изучение растений было полезно с практической точки зрения: многие ботаники лелеяли мечты о «пересадке» растений в другой (как правило, неродной) климат, селекции новых видов, изобретения новых способов посадки и выращивания, способных увеличить объем урожая тех или иных ценных культур. Сбор растений, формирование коллекций, умение отличить один вид от другого и определить родственные связи между видами,

---

⁶⁹ Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge, 2003. P.20.

⁷⁰ Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. 2020. Т.30. №1. С.45.

⁷¹ Любарский Г.Ю. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни. // Логос. 2020. Том 30. №1. С. 141.

⁷² Там же. С. 141-143.

⁷³ Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб., 2004. С.20.

ассоциировались с путешествиями и экспедициями. Альбом с ботаническими иллюстрациями или цветущий представитель экзотической флоры посреди привычных глазу маргариток в саду характеризовали своего хозяина как передового, активно познающего окружающий мир человека.

Практическая польза изучения растений была осознана и имперской властью. Йота Батсаки, Сара Кэхалан и Анатолий Чикин, характеризуя этап развития ботаники с конца XVII до начала XIX вв., вводят понятие «имперская ботаника» (the botany of empire), подчеркивая, что «хотя ботаническое знание было широко распространено уже по меньшей мере с XVI в. (когда оно, по большей части, было включено в медицинское знание), только лишь в XVIII в. оно охватило весь населенный мир, поскольку главными игроками на поле ботанических изысканий стали ведущие колониальные силы»⁷⁴.

Опираясь на идею «мыслительных центров» Бруно Латура⁷⁵, Дэвид Миллер и Питер Рейл в своей работе «Видения (образы) империи: путешествия, ботаника и способы репрезентации природы» (1996) показывают, как много событий XVIII столетия были подчинены интенсивному процессу освоения природных ресурсов с целью их дальнейшего изучения⁷⁶. В центре внимания авторов оказываются не только такие хрестоматийные сюжеты истории ботаники, как длительная академическая карьера Джозефа Бэнкса и значение разработанной шведским ботаником Карлом Линнеем и изложенной в *Systema nature* (1735) таксономии для стандартизации и продвижения глобального обмена знаниями, но также изобретения новых техник визуализации и транспортировки, которые увеличили разрыв между имперскими центрами и их ресурсными базами⁷⁷. Лонда Шибингер и Клаудия Свон в монографии «Колониальная ботаника:

---

⁷⁴ Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Philadelphia, 2017. P.4.

⁷⁵ Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, 1987.

⁷⁶ Miller D. Ph., Reill P.H. Visions of Empire: Voyages, Botany, and Representations of Nature. Cambridge, 1996.

⁷⁷ Ibid.

наука, торговля и политика в мире в раннее новое время» (2007) подчеркивают роль ботаники внутри политического и научного контекстов естественной истории, доказывая, что «развитие ботаники и европейской торговой и территориальной экспансии были двумя взаимно зависимыми процессами»⁷⁸. В современном гуманитарном знании ботаническая наука предстает безусловно причастной к колониальным захватам XVIII в. сродни тому, как академическая география и картография рассматриваются в качестве инструментов имперской экспансии XIX века⁷⁹.

«Имперскость» ботанической науки в Британии, таким образом, не являясь отличительной чертой развития знания в данном регионе: скорее, это качество вписывает британскую естественную историю в общеевропейский контекст. Активная экспедиционная деятельность, спонсирование изысканий в сфере естественной истории государством, стремление через научный дискурс заявить о могуществе и в некотором смысле вездесущести имперской власти, а также попытки на уровне академий обозначить синтез научного знания и экономической выгоды, нашедшие свое выражение в феномене такой дисциплины как камеральные науки, показательны для всех государств, проводивших имперскую политику в данный период⁸⁰.

Важно отметить такую особенность британского университетского образования как слабость институциональных и профессиональных связей между преподавателями и студентами. Французский историк науки Рене Сигри и швейцарский социолог Эрик Д. Уидмер в 2011 году представили результаты фундаментального исследования, посвященного анализу способов коммуникации в среде ботаников в XVIII веке. Проанализировав профессиональный путь девятисот двадцати восьми ботаников из государств Европы, ученые пришли к выводу, что «ботаника эпохи Просвещения имеет

---

⁷⁸ Schiebinger L., Swan C. Colonial Botany: Science, Commerce, and Politics in the Early Modern World (Philadelphia, 2007. P. 3.

⁷⁹ Иванов К. Иванов К. Астрономы и топографы в борьбе за Центральную Азию. // Логос. 2020. Том 30. № 2. С. 27.

⁸⁰ Cornish C. Curating Science in an Age of Empire. Kew's Museum of Economic Botany [phd thesis]. London, 2013. P.21-22.

свою собственную географию»⁸¹. Сигри и Уидмер убедительно показывают, что разнообразные способы кооперации европейских ученых, динамика обмена корреспонденцией и образцами растений (семенами, живыми растениями, гербариями, иллюстрациями), совместные путешествия, peregrinations, широта восприятия теоретических концептов и каналы распространения прикладного опыта образуют самостоятельное сообщество ботаников, коммуникация между которыми происходит вне рамок национальных государств и географических границ в так называемой «республике ботаников». При этом локальные сообщества ботаников имеют свои специфические черты. Так, для Британии характерны две тенденции, которые на первый взгляд могут показаться противоречивыми. Первая – сильное влияние институтов: как академии, так и тематических сообществ. Вторая – крайняя слабость связи «учитель-ученик» и своеобразная «изоляция» ботаников друг от друга. Казалось бы, институты как раз ставят своей целью объединение ученых, однако закрытость этих организаций, оформление строгих требований к публикациям в периодических изданиях, напротив, способствуют тому, что британское ботаническое сообщество в сравнении с кооперациями ученых во Франции, Италии и Германии, является разрозненным и разобщенным⁸². На университетском уровне примерами этого служат карьера кембриджского профессора Ричарда Бредли (читал лекции с 1724 по 1732 гг.), его преемников Джона Мартина (читал лекции с 1733 по 1761 гг.) и Томаса Мартина (читал лекции с 1761 по 1825 гг.), оставшихся в тени своих коллег-специалистам по физико-математическим наукам и прекратившим наставническую деятельность после нескольких лет заурядных достижений. В Оксфорде блестящее наследие Иоганна Якоба Дилениуса (профессор с 1734 по 1747 гг.) было сведено на нет его преемником Хамфри Сибторпом (профессор с 1747 по 1783 гг.), имевшего лишь одного ученика за

---

⁸¹ *Sigrist R., Widmer E.D.* Thaining links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis // REDES – Revista hispana para el analisis de redes sociales. 2011. Vol. 21. №7. [digital edition].

⁸² Ibid.

сорок лет профессорства и его сына Джона Сибторпа (профессор с 1784 по 1796 гг.), у которого не было ни одного ученика. В Эдинбурге, чья медицинская школа славилась пр всему миру, преподавание медицины было в большей степени скоординировано с физиологией и химией, нежели ботаникой. Чрезвычайно скромные успехи местных академиков-ботаников Чарльза Альстона, Джона Хоупа и Дэниеля Резерфорда, вероятно, отчасти объясняются данной тенденцией.

Слабый уровень академической ботаники в Британии в это время отчасти компенсировался развитой культурой ботанических садов и высоким уровнем подготовки садовников, а также – феноменом «ученых торговцев рассадой»⁸³. Магазины-питомники, торговавшие рассадой и семенами растений оказывали существенное влияние на популяризацию не просто ботанического знания, но передового достижения оно – системы Линнея. Торговые прилавки Уильяма Малькома и другой – Уоррена Лакера и Сэмюэла Смита отличались от остальных. Помимо общеизвестных садовых растений, таких как крыжовник, тюльпаны или гиацинты, или традиционных агрокультур, они начали продавать декоративные растения, воспринимавшиеся как экзотические: гибискус или "танцующее растение". Кроме того, они впервые стали на этикетках печатать научные наименования, а не общепринятые народные. Благодаря тому, что торговцы растениями стремились подчеркнуть свою приверженность современному ботаническому знанию, которая выражалась в таких актах «ботанической щедрости»⁸⁴ и использовании линнеевской номенклатуры, изучение ботаники среди садовников и коллекционеров растений распространялось повсеместно. Многие теплицы/питомники располагались на окраинах и ли за городом, так как в центральных районах не было для них места и воздух был слишком

---

⁸³ *Easterby-Smith S.* Botanical collecting in eighteenth-century London. *Curtis's Botanical Magazine*. 2017. № 34(4). P. 285.

⁸⁴ Имеется в виду факт передачи в дар большого количества растений только что открывшемуся ботаническому саду У. Кертиса в Лондоне. См. *Easterby-Smith S.* Botanical collecting in eighteenth-century London. *Curtis's Botanical Magazine*. 2017. № 34(4). P. 285.

загрязнен. В центре же находились маленькие магазинчики: в Ковент-Гарден – четыре-пять, в Вестминстере – два. Отсюда также легко было дойти пешком до ботанического сада в округе района Ламбет⁸⁵.

Такова общая характеристика ботанического знания в Британии во второй половине XVIII века. Обратимся теперь к биографии Бэнкса и рассмотрим становление его личности и формирование интереса к растительному миру, а также избранные им способы реализации этого интереса и исследовательского потенциала натуралиста.

2.2. Биография Джозефа Бэнкса

Джозеф Бэнкс (1743-1820) происходил из состоятельной семьи эсквайра Уильяма Бэнкса, владевшего поместьем в графстве Глостершир⁸⁶. Считается, что любовь к ботанике проявилась у Бэнкса еще в детском возрасте, когда он листал альбомы с ботаническими иллюстрациями из будуара своей матери. Одним из них была копия с работы натуралиста XVI века Джона Герарда *Herball of Historie of Plants* (1598)⁸⁷.

Начальное образование Бэнкс получил в Харроу и Итоне, в программе которых не было ботаники. Учась в школе, Бэнкс в возрасте четырнадцати лет начал брать уроки ботаники у местных травниц, собиравших растения по заказу местных аптекарей⁸⁸. Бэнкс наблюдал за тем, как они собирают и высушивают травы и за плату пользуясь их медицинскими трактатами: «по шесть пенсов за каждый новый раздел»⁸⁹. Семья Бэнксов также владела домом в Лондоне, недалеко от Челси Физик Гарден – медицинского ботанического сада, основанного в 1673 году и обладавшего огромной коллекцией местных и

---

⁸⁵ *Easterby-Smith S.* Botanical collecting in eighteenth-century London. *Curtis's Botanical Magazine*. 2017. № 34(4). P. 284.

⁸⁶ *O'Brien P.* Joseph Banks: a life. London, 1987. 328 p.

⁸⁷ *Easterby-Smith S.* Botanical collecting in eighteenth-century London. *Curtis's Botanical Magazine*. 2017. № 34(4). P.5.

⁸⁸ *Fara P.* Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge, 2003. P.49.

⁸⁹ *Gascoigne J.* Joseph Banks and the English Enlightenment. Useful Knowledge and Polite Culture. Cambridge, 1994. P. 83.

экзотических растений. Биографы отмечают, что сад в Челси стал одним из сильнейших вдохновений для юного Бэнкса⁹⁰.

В 1760-1764 гг. Бэнкс учился в Оксфорде, однако докторскую степень получил лишь в 1771 г., уже заслужив признание в академических кругах после участия в экспедиции на остров Ньюфаундленд вместе с Константином Фиппсом. Важно отметить, что в данный период университетское образование не способно было оказывать сколько-нибудь существенное влияние на развитие целого ряда научных дисциплин⁹¹. Такое положение вещей было характерно и для ботаники. Несмотря на триумфальный успех системы Линнея, обилие материала для изучения и описания, широкую популярность и даже моду на «травопознание», ботаника как самостоятельная дисциплина во второй половине XVIII века еще только лишь находилась в процессе своего становления, и знания о растениях могли преподаваться в общих курсах по естественной истории или медицине, но не отдельного дисциплинарного направления. Специалисты по истории науки так характеризуют данный период: «университеты, отягощенные традициями схоластики, были не готовы принять ценности и нормы науки Нового времени. Университетская биология все еще была растворена в медицине, естественной теологии и философии. Институционализация современного естествознания шла, прежде всего, в национальных научных академиях и обществах. Академии и общества ввели в практику выпуск периодических научных изданий. При них создавались ботанические и зоологические сады, а также естественнонаучные кабинеты и музеи»⁹².

Ботанические изыскания практиковались не только академическими учеными, но и в более широкой среде фармацевтов, многие из которых не имели доступа к обучению в университете, но могли посещать ботанические

---

⁹⁰ *Carter H.B.* Sir Joseph Banks, 1743-1820. London, 1988. P. 25, 32.

⁹¹ *Thompson C.* Women Travelers, Romantic-era science and the Banksian empire // *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society.* 2019. P. 434.

⁹² *Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И.* Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб, 2004. С. 17.

сады, знакомиться с публикациями в журналах, посещать публичные библиотеки и вступать в различные общества. Так, знаменитый основатель старейшего периодического издания по ботанике Уильям Кертис был всего лишь аптекарем и держал ботанический сад в одном из районов Лондона. С фармацевтических курсов начинал и Джон Коукли Леттсом, впоследствии защитивший докторскую диссертацию о свойствах чайного дерева в университете Лейдена. И Кертис, и Коукли были квакерами и путь в академическую науку Британии для них был закрыт. Фармакология была одним из доступных способов заниматься ботаникой, альтернативным, и подчас более эффективным способом было участие в экспедициях. Как мы знаем, Бэнкс избрал второй путь.

В силу вышесказанного о специфике университетского образования в Британии в контексте развития естественной истории тот факт, что Бэнкс оставил Оксфорд, завершив обучение, но не представив к защите никакой работы, соответствовавшей бы его основному интересу и профилю специализации, не должен вызывать у нас удивления. Как уже было сказано, Бэнкс избрал полный опасностей, но щедрый на вознаграждение в случае успеха путь научно-исследовательских экспедиций. И прежде чем перейти к характеристике его опыта путешественника и первопроходца, отметим, благодаря чему Бэнкс имел возможность принять участие в экспедициях.

В возрасте двадцати одного года натуралист унаследовал семейное поместье Риверсбэй Эбби в графстве Линкольншир. Бэнкс был очень богатым человеком и не искал личной материальной выгоды в научных изысканиях. На момент вступления в наследство в 1764 году Бэнкс располагал шестью тысячами фунтов в год, к 1807 году – четырнадцатью тысячами, а к 1820 году – тридцатью тысячами⁹³. Унаследованное и приумноженное состояние обусловило так называемую финансовую независимость и статус джентльмена. По мнению Стивена Шейпина, идентичность джентльмена

---

⁹³ *Gascoigne J.* Joseph Banks and the English Enlightenment: useful knowledge and polite culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P.8.

нового времени конструировалась вокруг его способности к «вольному действию» и поискам своего призвания, свободной интеграции с представителями других социальных категорий⁹⁴. Для джентльмена наука не основной и не единственный источник дохода. Потому джентльмен свободен в выборе предмета приложения своих исследовательских усилий и способов реализации своего интереса. И чем выше его состояние, тем выше степень этой свободы и тем более бескорыстно его служение идеалу научной истины. *«Я так много лет отдал службе различным государственным учреждениям... и я никогда не просил и даже в мыслях не рассчитывал на вознаграждение»* - писал Бэнкс в письме одному из своих протеже Чарльзу Благдену⁹⁵. Он не стремился реализовать свое стремление к познанию за счет дотаций государства, спонсировавших экспедиции. Он заботился о благе своего государства, понимая под благом увеличение и распространение знания, и при этом – извлечение из этого знания пользы: как экономической прибыли, так и политического влияния. Помимо поместья в собственности Бэнкса также находилась купленная им квартира в Лондоне недалеко от Британского музея. В Лондоне Бэнкс познакомился с ботаником Даниелем Соландером, через него вступил в переписку с Карлом Линнеем.

Живя в Лондоне Бэнкс часто посещал богатую коллекцию Ханса Слоуна в Челси Физик Гарден. В его доступе также находились Королевские ботанические сады Кью. Очевидно, что Бэнкс имел возможность посещать перечисленные выше магазины-питомники, позиционирующие себя как популяризаторы передового ботанического знания, и приобретать здесь растения. Что касается стремления социализироваться в среде ученых-интеллектуалов, интересно, что начало профессионального пути молодого натуралиста не было простым. Известно, что Общество Искусств и Ремесел

---

⁹⁴ *Shapin S.* A social history of truth: civility and science in seventeenth-century England. Chicago, 1994. P. 49.

⁹⁵ Memorandum written by Banks appended to British Library, Add MS 33272, f.74r (letter from Joseph Banks to Charles Blagden, 27 Mar. 1790)/ Banks J. The Banks letters: a calendar of the manuscript correspondence of Sir Joseph Banks preserved in the British Museum, the British Museum (Natural History) and other collections in Great Britain / Ed. Be W. R. Dawson. London, 1958.

(Society of Arts and Manufactures) приняло Бэнкса в свой состав в 1761 году и уже спустя три года исключило. Причины данного инцидента до сих пор неизвестны. Бэнкс снова был принят в члены Общества в 1791, уже обладая влиянием Президента Лондонского королевского общества и имея за плечами богатый и разнообразный исследовательский опыт⁹⁶.

В свое первое большое путешествие Бэнкс отправился в 1766 году, едва ему исполнилось 23 года – это была экспедиция мореплавателя, полярника и ботаника Константина Фиппса (1744-1792) в Канаду, продлившаяся девять месяцев. По итогам путешествия Бэнкс привез в Лондон несколько сотен образцов растений и был избран в члены Лондонского королевского общества.

Настоящая слава пришла к Бэнксу после участия в первой кругосветной экспедиции Кука (1768 – 1771 гг.), правда, отчасти слава эта была скандальной. Ради участия в этом грандиозном проекте Бэнкс внес крупную сумму (десять тысяч фунтов) на организационные расходы и закупку необходимого исследовательского оборудования. Вопрос о значении данного путешествия для карьеры Бэнкса мы подробно рассмотрим во второй главе исследования, а пока обратимся к характеристике репутации и семейного положения Бэнкса.

Несмотря на явное стремление Бэнкса принять участие в экспедиции, разрешение на участие было дано Адмиралтейством в самый последний момент, за день до отправки в плавание, из-за чего Бэнкс не успел достойно проститься со своей невестой Хэрриет Блоссет. По возвращении же Бэнксу пришлось давать отчет не только о результатах своих ботанических изысканий, но и о любовных приключениях на Таити, после чего разорвать помолвку и выплатить семье опозоренной невесты значительную компенсацию⁹⁷.

---

⁹⁶ *Chambers N.A.* The Society of Arts and Joseph Banks: a first step in London learned society / *The Royal Society Journal of the history of science.* 2007. Vol.61. Iss. 3.P. 313-336.

⁹⁷ *Шипицына Ю.С.* Ботаническая иллюстрация в Британии во второй половине XVIII — начале XIX века в контексте становления таксономического подхода к познанию мира. // «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина». 2020. № 4. С. 59-65.

Дж. Браун, исследуя стереотипы в отношении мужчин-ботаников, отмечает что создание оптимальной и продуктивной классификационной системы, способной навести порядок в представлениях о природе и обществе являлось крайне актуальной задачей, и в то же время «классификационные системы сами по себе становились зеркалом, в котором отражались социальные устои тех обществ, внутри которых эти системы были созданы»⁹⁸. Ранее мы показали, что реформа систематики имела критически важное значение для естествознания. Почему в таком случае труд Линнея получил столь большой общественный резонанс? Дело в том, что ученый использовал для объяснения своих построений лексику, связанную с семейно-брачными отношениями. Приведем в качестве примера характерный «фривольный» пассаж: «Лепесток цветка сам ничего не *вносит* в воспроизведение, но служит только брачным ложем, которое Великий Творец устроил так прекрасно и украсил таким драгоценным пологом, наполнив благоуханием для того, чтобы жених со своею невестой могли отпраздновать в нем свою свадьбу с величайшей торжественностью. Когда ложе готово, наступает время жениху обнять свою дорогую невесту и излиться в нее»⁹⁹.

Джозеф Бэнкс в свои молодые годы стал олицетворением всей мыслимой и немыслимой «ботанической распущенности». Бэнкс принял участие в первой экспедиции Джеймса Кука (1768-1771), в ходе которой во время высадки на о. Таити проникся местным обычаем «гостеприимного гетеризма»¹⁰⁰. О его романтических приключениях с таитянками слагались бесчисленные сатирические памфлеты, а некоторые сюжеты, как, например, случай похищения одежды Бэнкса знатной представительницей местного племени, «королевой Оберией», как прозвали ее в Англии, стали неотъемлемой чертой образа «ботанического макарони»¹⁰¹. «Макарони»

---

⁹⁸ Brown J. Botany for Gentlemen: Erasmus Darwin and «The Loves of the Plants» // Digital Access to Scholarship at Harvard. № 4. 2018. P. 593-621.

⁹⁹ Цит. по Бобров Е.Г. Карл Линней. Ленинград: Наука, 1970. С.20.

¹⁰⁰ Форестер Г. Путешествие вокруг света. М., 1986. С. 533.

¹⁰¹ Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge, 2003. P.7-9.

иронично называли в Англии молодых аристократов, перенимавших европейские, преимущественно итальянские, манеры поведения и костюм. Еще до отплытия на Таити Бэнкс получил прозвище «ботанический макарони» (*botanic macaroni*), образ которого воплощен в карикатурах, сохранившихся в собраниях Лондонской национальной галереи (См. Приложение 3)¹⁰². Интересно, что типичного «ботанического макарони» упрекали в том, что он не стремится соответствовать тем социальным ролям, которые приписывает общество его полу: «ни мужчина, ни женщина, а бесполое существо... Оно говорит без всякого смысла, улыбается без радости, ест без аппетита, катается верхом без энтузиазма, волочит за кем-либо без страсти»¹⁰³.

Итак, мы видим, что поведение молодого Бэнкса вызывало острую реакцию в обществе. У нас нет свидетельств того, что амбициозный натуралист страдал из-за сплетен, насмешек и карикатур, однако его дальнейшие усилия по созданию имиджа уважаемого землевладельца и авторитетного ученого, выразившиеся в подчеркнуто трепетном отношении к государственным наградам и стремлении к самопрезентации на многочисленных парадных портретах, могут косвенно говорить об этом¹⁰⁴.

Несмотря на скандальную репутацию, Бэнксу удалось заключить выгодный в материальном отношении и ценный с точки зрения личностных отношений брак. Спустя месяц после отплытия Кука Бэнкс вместе с Д. Соландером отправился в экспедицию на о. Уайт и в Исландию. Это плавание стало последней экспедицией, в которой Бэнкс принял участие. Материалов, собранных им за это и предыдущие путешествия оказалось более чем достаточно для собственной научной работы. Вскоре Бэнкс оказался приближен к королю, а реальные научные заслуги в области накопления,

---

¹⁰² *Darby M.* The Botanic Macaroni (Sir Joseph Banks), 1772. Etching on paper (frame: 43.7 cm x 36.3 cm depth 1.7 cm, plate-mark: 17.6 cm x 12.5 cm). [National London Gallery]. URL: <https://www.portrait.gov.au/portraits/2018.79/the-botanic-macaroni-sir-joseph-banks> (date of access: 21.01.2021).

¹⁰³ *Cohen M.* The Grand Tour: Constructing the English Gentleman in Eighteenth-century France // *History of Education*. 1992. Vol. 21. P. 253.

¹⁰⁴ *Fara P.* Presidential portraits: Joseph Banks in the National Library // *National library of Australia News*. 1998. Vol. 9. № 3. P. 7-10.

описания и систематизации эмпирического материала в ходе экспедиций позволили быстро завоевывать авторитет в академической среде.

В результате в 1779 году Бэнкс безо всяких препятствий со стороны родственников невесты заключил брак с Доротеей Хаггисен. Вместе с женой и своей сестрой Сарой Софией он поселился в большом доме на Сохо Сквер. Этот дом стал центром притяжения для множества людей, занятых изучением ботаники: натуралистов, путешественников, художников – авторов ботанических иллюстраций, аптекарей и садовников, просивших у Бэнкса помощи в развитии их начинаний и, как правило, ее получавших.

Как отмечает историк науки Карл Томпсон, в XVIII веке «огромное количество научных экспериментов проводились в домашних условиях, а не в специальных лабораториях»¹⁰⁵. Площадками для проведения экспериментов были и частные владения Бэнкса. Его исследовательская лаборатория – не один кабинет. Это целая сеть помещений и пространств, в настоящее время утраченных, что, безусловно, затрудняет их исследование, но не отменяет возможность реконструкции. Одним из главных центров научной коммуникации становится уже упомянутый нами лондонский особняк Бэнкса на Сохо Сквер. В историографии наиболее известно именно это жилище ученого, однако недавние исследования показывают, что Бэнкс распределял свое время равномерно между Сохо, пригородом Лондона и поместьями в графствах Линкольншир и Дербишир¹⁰⁶. Пребывание в каждом доме было связано с различными увлечениями Бэнкса: не только скрупулезным изучением ботанических каталогов (Сохо), но и ландшафтным дизайном и рыбной ловлей (Линкольншир), разработкой горных месторождений (Дербишир), выведением новых пород овец-мериносов и выращиванием экзотических растений в английском грунте (Спринг Грув). Подобное упорядочение деятельности служит проявлением актуальной для второй

---

¹⁰⁵ *Thompson C.* Women Travellers, Romantic-era science and the Banksian empire // *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society.* 2019. P. 434.

¹⁰⁶ *Hoppit J.* Sir Joseph Banks's provincial turn // *The Historical Journal.* 2018. Vol. 61. Iss. 2. P. 403–429.

половины XVIII в. ориентации на чувственное познание природы и утилитарные свойства знания. Кроме того, опыт регулярного перемещения между поместьями может расцениваться как стремление к воссозданию переживаний путешественника в обыденной жизни.

Считается, что супруга Бэнкса и его сестра помогали ученому в создании коллекций и систематизации накопленных им ценных находок. У Джозефа и Доротеи не было детей. Сара София была верным компаньоном семейству¹⁰⁷. Так и не выйдя замуж, она умерла в 1818 году, также не оставив наследников. Несмотря на то, что Бэнкс оставил вполне определенные указания относительно наследования его имущества и коллекций, некоторые из его бумаг перешли в собственность не прямых потомков по линии жены, что сопровождалось конфликтами в середине XIX века. Один из таких случаев связан с рукописью Путевого дневника Бэнкса и подробно описан нами во второй главе исследования.

Известно, что Сара София помимо того, что оказывала помощь брату и его жене, также была самостоятельным коллекционером. Предметом ее внимания были афиши, монеты, банкноты, кредитные билеты, а также визитные карточки. В настоящее время коллекции, собранные Сарой Бэнкс (свыше пятнадцати тысяч предметов) хранятся в Британском музее¹⁰⁸. Вопрос о степени ее влияния на брата в настоящее время является дискуссионным¹⁰⁹.

Итак, мы видим, что жизнь Бэнкса была организована таким образом, что все его четыре жилища были подчинены исследовательским задачам, а члены семьи разделяли интересы натуралиста, оказывали содействие в его научных изысканиях и способствовали укреплению социальных связей Бэнкса в среде интеллектуалов и академиков.

---

¹⁰⁷ Exploring the collections of Sarah Sophia Banks// Sarah Sophia Banks.com. URL: <https://www.sarahsophiabanks.com/> (дата обращения: 10.05.2021).

¹⁰⁸ Sara Sophia Banks (1744-1818) was based in London and collected prints and printed ephemera, coins, medals and tokens//British Museum. URL: <https://www.britishmuseum.org/about-us/british-museum-story/people-behind-collection/sarah-sophia-banks> (дата обращения: 10.05.2021).

¹⁰⁹ См. *Liscomb D.* Women in systematics // *Annu. Rev. Ecol. Systemat.* 1996. Vol.26. P. 326; *Gascoigne J.* Joseph Banks and the English Enlightenment: Useful Knowledge and Polite Culture. Cambridge 1994. P. 25.

Занятость Бэнкса росла по мере расширения его участия в иностранных академиях и локальных тематических научных сообществах: в 1773 году Бэнкс стал иностранным членом Академии наук Швеции, в 1774 году – принят в Общество дилетантов. Вершиной карьеры Бэнкса стало назначение на пост президента Лондонского королевского общества в 1778 году. Этот год ознаменован еще двумя новыми должностями: избранием в качестве иностранного члена Американской академии искусств и наук, одним из попечителей «Африканской ассоциации», занимавшейся изучением проблем освоения внутренних районов Западной Африки¹¹⁰. С 1778 года Бэнкс становится неофициальным попечителем Британского музея, где курирует приобретение книг, систематизирует коллекцию Дэвида Гаррика, содержащую пьесы елизаветинской и якобитской эпох, а также многочисленную коллекцию античных древностей, переданную музеем Обществом дилетантов¹¹¹. В 1794 году Бэнкс принимает на себя обязанности попечителя Британского музея, а в 1797 году становится членом Тайного совета Великобритании. Не обходится без руководящей роли Бэнкса и открытие в 1799 году Королевского института – престижной научной организации, направленной на развитие прикладных научно-технических исследований и популяризацию научных знаний; проектирование специальных кают и кабин для транспортировки живых растений на дальние расстояния¹¹², а также формирование коллекции растений для дипломатических миссии в России: грандиозной коллекции, предназначенной для Екатерины II, но в итоге подаренной великой княгине Марии Федоровне в 1795 году¹¹³. В 1803 году Бэнкс занят масштабным переустройством Королевских ботанических садов Кью и преодолением сопротивления

---

¹¹⁰ *Sinclair W.* The African Association of 1788 // *Journal of the Royal African Society*. 1901. Vol. 1, No. 1. pp. 145-149.

¹¹¹ *Chambers N.A.* Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770-1830. London, 2007. P.8.

¹¹² *Goodman J.* After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1787-1810 // *The Historian*. 2016/2017. P.11-14.

¹¹³ *Heath E.* Joseph Banks and British botanical diplomacy. *Australian Garden History*. 2019. №30, P. 16-19.

консервативно настроенных сотрудников. В 1804 году – принимает участие в создании Королевского агрокультурного общества. В 1806 году становится членом Московского общества испытателей природы. В 1819 году – председательствует во главе комитетов Палаты Общин, обсуждая вопросы борьбы с фальшивомонетчиками и реформу системы мер и весов.

Кроме того, Бэнкс являлся инициатором и во многом организатором таких проектов, как заселение территории берегов Ботанического залива и создание колонии-поселения ссыльных (1779), проект по «пересадке» хлебного дерева с о. Таити на о. Ямайка для предотвращения голода среди рабов, трудящихся на плантациях (1787), о котором подробнее будет сказано в следующей главе¹¹⁴. Вес рекомендаций Бэнкса, его покровительство и заступничество, оставались значимым аргументом при назначении на должность, установлении размера жалования и продвижения по службе. В защиту Бэнкса перед историографическими оценками его как авторитарного и ревностно следящего за допуском в академию только высокородных ученых «деспота»¹¹⁵, стоит сказать, что высокая роль связей и патронажа совершенно типична для европейского научного сообщества XVIII века¹¹⁶. Бэнкс определял профессиональную, а в ряде ситуаций и личную судьбу многих натуралистов, ботаников, художников, библиотекарей. При этом его протекция и патронаж, вопреки обвинениям некоторых современников, осуществлялись исключительно в научных целях: все помощники, охотники за растениями и художники, в которых принял участие Бэнкс, внесли большой вклад в развитие естествознания и этнографии. Том Фулфорд рисует портрет типичного протеже Бэнкса: «молодой талантливый юноша без средств к

---

¹¹⁴ Cook A. Politics of Nature and Voyages of Exploration: some purposes and resulyes // *Voyages and Exploration in the North Atlantic from the Middle Ages to the XVII century*/ ed. Agnarsdottir. Reykjavik, 2001. URL: https://www.academia.edu/576852/Politics_of_nature_and_voyages_of_exploration_some_purposes_and_Results (date of access: 31.05.2021)

¹¹⁵ Simpson D. Ethnographic collecting and the despotism of Joseph Banks // *Journal of Maritime research*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/21533369.2020.1717166> (дата обращения: 29.04.2021).

¹¹⁶ Sigrist R., Widmer E.D. Thaininng links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis // *REDES – Revista hispana para el analisis de redes sociales*. 2011. Vol. 21. № 7. [digital edition].

существованию – не имевший университетского образования и связей в среде джентльменов»¹¹⁷. Известными протеже Бэнкса были Фрэнсис Мэссон (1741-1805), ботаник-самоучка из Садов Кью, вступивший в только что учрежденную должность «охотника за растениями» и собравший большую коллекцию семян и растений, целиком переданную в Сады Кью, а также составил заметки о своем путешествии в Южной Африке¹¹⁸, вскоре опубликованные и способствовавшие укреплению репутации ученых-ботаников; исследователь Австралии Мэттью Флиндерс (1704-1814), исследователь Центральной Африки Мунго Парк (1771-1806), исследователь Исландии, а затем на долгие годы директор Ботанических садов Кью Уильям Джексон Гукер (1785-1865), а также ассистент Бэнкса, а впоследствии профессор ботаники в Университетском колледже Лондона Джон Линдли (1799-1865), издавший в 1821 году совместно с Францем и Фердинандом Бауэрами роскошный ботанический атлас, посвященный наперстянкам¹¹⁹.

Последние пятнадцать лет жизни Бэнкс страдал от приступов подагры и с трудом мог ходить. Болезнь и смерть сестры в 1818 году чрезвычайно ослабили состояние академика, и в последние два года жизни он фактически отошел от дел, передав управление Лондонским королевским обществом своему помощнику Уильяму Волластену, который после смерти Бэнкса станет его преемником на должности президента Лондонского королевского общества. Бэнкс скончался 19 июня 1820 года. Бэнкс был чрезвычайно важным связующим центром научной коммуникации, обеспечивая не только поддержание непосредственного общения между учеными посредством рекомендаций, организации встреч, совместных обсуждений и лекций, но и непрерывный обмен информацией посредством корреспонденции и

---

¹¹⁷ *Fullford T.* The Role of Patronage in early nineteenth-century science, as evidenced in letters from Humphry Davy to Joseph Banks // *Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society.* 2019. P. 459.

¹¹⁸ *Masson F.* An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa; Undertaken for the Discovery of New Plants, towards the Improvement of the Royal Botanical Gardens at Kew // *Philosophical Transactions of the Royal Society.* 1776. V. 66. P. 268-317.

¹¹⁹ *Lack H.W.* A Garden Eden. Masterpieces of Botanical Illustration. Koln, 2016. P. 538.

пересылкой ботанических, зоологических, этнографических и минералогических коллекций с разных точек земного шара. На его гербе (См. Приложение 1.) присутствуют два девиза: *Tria Juncta* («три в одном») и *Nullis in verba* («ничего со слов»). Первый из которых является девизом Ордена Бани, а второй – Лондонского королевского общества, что может свидетельствовать о том, что Бэнкс стремился определить свой статус среди современников через указание на рыцарский титул и, что особенно показательно, принадлежность к профессиональному сообществу ученых.

В данном разделе при характеристике биографии Бэнкса мы пришли к выводу, что на его становление как ученого повлияло множество событий и тенденций, пришедшихся на период его юности: удивительные достижения в области ботанического знания, формирование экономико-политической повестки изучения природы колоний, дружба с одним из «линнеевских апостолов» Даниэлем Соландером, мода на садоводство и «антимода» на ботаническую лексику, создававшая вокруг травопознания провокационную и интригующую атмосферу. Искренний интерес к ботанике и тяга к познанию природы, проявившиеся в детстве, были подкреплены реальными возможностями для развития и реализации этого увлечения: финансовой независимостью и прочным социальным положением землевладельца и джентльмена, а также совпали с запросом общества на совершенствование естественнонаучного знания. Немаловажную роль сыграл характер Бэнкса. Биографы чаще всего выделяют такие черты личности ботаника как целеустремленность, предприимчивость, спокойный, ровный темперамент и открытость новому.

Жизнь Джозефа Бэнкса была насыщена разнообразными событиями. Едва ли столь успешный личный и профессиональный жизненный путь можно объяснить простым везением и случайной удачей, как иногда пишут исследователи, имея в виду долгую жизнь, легкое преодоление всех опасностей и рисков во время кругосветного путешествия, унесшего жизни

немалого количества участников, большое наследство, счастливый брак и то, что мы сегодня назвали бы «профессиональной реализацией»¹²⁰.

Нам представляется логичным выделить три периода в биографии ученого: 1) 1743-1766 гг. – время становления личности Бэнкса, формирования его исследовательского интереса, накопления теоретических знаний, начала установление контактов с другими учеными; 2) 1766-1778 гг. – период, в течение которого Бэнкс проявляет себя как практикующий исследователь: участвует в трех экспедициях, составляет коллекции, фиксирует свои наблюдения в Путевом дневнике, работает над самопрезентацией в академическом сообществе; 3) 1778 – 1820 гг. – период, в течение которого Бэнкс возглавляет Лондонское королевское общество, становится наиболее авторитетной фигурой британской академической науки и оказывает влияние на развитие интеллектуальной жизни Британии в целом, оставаясь советником короля по благоустройству Садов Кью, продвигая к участию в экспедициях талантливых и способных людей и проявляя себя в научной и культурной жизни Британии посредством вовлечения во многие другие начинания. Какой из этих периодов – следствие счастливого совпадения обстоятельств? Мы полагаем, что ни один: на протяжении всей своей жизни Бэнкса отличало стремление к познанию, упорство и работоспособность. Он использовал все возможности, открывавшиеся перед ним, и все ресурсы, находившиеся в его распоряжении – как интеллектуальные, так и материальные.

«Секрет успеха» Бэнкса, по нашему мнению, заключался в правильном выборе поприща для приложения своих усилий и воплощения инициатив. Ставка, сделанная им на участие в первой кругосветной экспедиции была высока: огромные затраты, подрыв репутации из-за разорванной помолвки и невыполненных обязательств, наконец, опасности длительного морского путешествия к мало изученным землям, населенным неведомыми народами, ничего не гарантировавшего кроме лишений и испытаний. К счастью, рвение,

---

¹²⁰ *Tyler-Whittle M.S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. London, 1972. 328 p.*

с которым Бэнкс стремился отправиться в плавание, как мы увидим в следующей главе, полностью себя оправдало.

Глава 3. Имперский дискурс путевого дневника Джозефа Бэнкса

3.1. Первая кругосветная экспедиция Дж. Кука: состав, цели, участники

Тезис о том, что именно участие в экспедиции Кука сделало Джозефа Бэнкса тем авторитетным академиком, который в течение длительного времени авторитарно управлял британской наукой, довольно часто встречается в историографии¹²¹. Безусловно, сообщения об открытиях, сделанных во время путешествия, имели большой общественный резонанс, а экспедиционный опыт высоко ценился среди членов Лондонского королевского общества. Однако престиж причастности к амбициозным целям экспедиции: наблюдению за редким астрономическим явлением, географическому описанию недавно открытых земель и созданию ботанических и зоологических коллекций, а также разнообразные трудности и лишения во время долгого плавания, опасности и риски при взаимодействии с аборигенным населением, которые претерпевали участники экспедиции, не могли по умолчанию закрепить за Бэнксом статус ученого.

На заре своей научной карьеры Бэнкс не только вынужден был бороться с «ботаническими предрассудками», как мы показали в первой главе, но и, что представляется более важным, отстаивать имидж серьезного ученого в противовес бытовавшему представлению о нем как о богатом дилетанте, для которого натуралистические изыскания – лишь разновидность развлечения¹²². Факт участия в экспедиции еще не открывал перед молодым натуралистом двери академии (на момент возвращения в Лондон Бэнксу было 28 лет).

Проблема оценки научного наследия Бэнкса кроется в кажущейся на первый взгляд превалирующей роли его организаторских функций и предпринимательского таланта над непосредственно научно-исследовательской деятельностью. Действительно, в большинстве словарных

---

¹²¹ См. *Musgrave T. The Multifarious Mr. Banks. From Botany Bay to Kew, the natural historian, who shaped the world. Yale, 2020. P.15-21; Chambers N. P. Chambers N.A. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770-1830. London, 2007. P. 7-8.*

¹²² *Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific // Paregon. Vol. 26. № 2. P.140.*

статей о Бэнксе первое что сообщается: «ботаник, президент Лондонского королевского общества»¹²³, при этом ботанических публикаций, содержащих описания новых видов растений, рекомендации по выращиванию агроботанических культур или наблюдения за результатами выведения новых сортов за плечами исследователя немного¹²⁴, хотя некоторые заметки и иллюстрации были опубликованы после смерти Бэнкса в окружении материалов других исследователей¹²⁵.

Объяснить скудный объем публикаций отчасти можно занятостью ученого. Действительно, его карьера развивалась столь стремительно и успешно, что после 1772 г. натуралист более не мог позволить себе покинуть пределы Британских островов (исключение составляет короткая поездка в Голландию в 1773 году).

Задача реконструкции стратегий научного наблюдения, описания и интерпретации, использованных Бэнксом может быть решена на материале изучения текста, непосредственно фиксирующего использованные натуралистом познавательные практики. Таким текстом, по нашему мнению,

---

¹²³ Banks, Sir Joseph, baronet / by J. Gascoigne // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-1300> (date of access: 31/05/2021); Banks, Joseph (1743-1820) / by L. A. Gilbert // Australian Dictionary of Biography. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/banks-sir-joseph-1737> (date of access: 31.05.2021); Sir Joseph Banks // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Joseph-Banks> (date of access: 31.05.2021).

¹²⁴ *Banks J.* Effects of the *Equisetum palustris* on drains // Communications to the Board of Agriculture 2. 1800. P. 349-350; *Banks J.* Short account on the cause of the disease in corn, called by farmers the blight, the mildew, or the rust. London. 1805; *Banks J.* A description of a Roman vault, discovered in the suburbs of the City of York. // Archaeologia or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquities. 1809. № 16(1); *Banks J.* An attempt to ascertain the time when the potatoe [sic] (*Solanum tuberosum*) was first introduced into the United Kingdom // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1812. № 1. P. 147-156; *Banks J.* On the forcing-houses of the Romans, with a list of fruits cultivated by them, now in our gardens. London: Repertory of Arts, Manufactures, and Agriculture. 1812; *Banks J.* Hints respecting the proper mode of inuring tender plants to our climate. London: Repertory of Arts, Manufactures, and Agriculture. 1814; *Banks J.* Notes relative to the first appearance of the *Aphis lanigera*, or the apple tree insect, in this country // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1817. №2. P. 162-169; *Banks J., Roxburgh W.* Plants of the coast of Coromandel [New Zealand]. G. Nicol. 1793. 68 pp.

¹²⁵ *Banks J., Britten J., Solander D.* Illustrations of Australian plants collected in 1770 during Captain Cook's voyage round the world in H. M. S. Endeavour by the Right Hon. Sir Joseph Banks and Daniel Solander, with determinations by James Britten. British Museum. 1900-1905. Three volumes. London: Andesite Press, 2017; *Banks J., R. E. R., Elliott B., Hawkes J.G., King-Hele D., Lucas L.G.* // Sir Joseph Banks: a global perspective. Royal Botanic Gardens, Kew. 2000. 237 p.

является Путевой дневник¹²⁶, в который Бэнкс вносил все наблюдения и открытия, сделанные за время участия в кругосветной экспедиции.

«25 августа 1768 года. Спустя десять дней ожидания в полной готовности отплыть, когда весь скарб и необходимый инвентарь уже был погружен на корабль, мы наконец дождались попутного ветра и ровно в три часа по полудни подняли якорь. Мы отправились в плавание в превосходном настроении и отличном самочувствии, преисполненные уверенности и надежды (по крайней мере в своих помыслах) превозмочь всяческие испытания и препятствия, что могут возникнуть во время предпринятого нами Путешествия», – так начинает свой путевой дневник Джозеф Бэнкс. Энтузиазм молодого путешественника, внесшего огромную по тем временам сумму – десять тысяч фунтов – на нужды экспедиции и принесшего в жертву помолвку с возлюбленной невестой ради возможности отправиться в путь, ощущается с первых строк этой удивительной хроники исследовательской жизни. Нужно отметить, что «в превосходном настроении и отличном самочувствии» во время плавания Бэнкс будет далеко не всегда, но «уверенность и надежда» действительно понадобится натуралисту ежечасно, потому что трудностей на пути экспедиции будет немало. Историк Мел Гудинг подчеркивает, что в тексте во всей полноте отразился характер автора: «не заботясь о стилистической точности, Бэнкс использует энергичный, неординарный слог, лаконичный и предельно точный в описании, сквозь который со всей очевидностью проступает характерное воодушевление и искренний оптимизм»¹²⁷.

Джеймс Кук являлся опытным мореплавателем, которому было доверено руководство экспедицией, но он не был ученым. Во время первого кругосветного путешествия ему предстояло не только руководить командой

---

¹²⁶ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771. Sydney, 1997. [A digital text sponsored by State Library of NSW]. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (date of access: 21.05.2021).

¹²⁷ Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768-1771 / The Making of Banks Florilgium I // Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks` Florilegium: Botanical Treasures from Cook`s First Voyage. London, 2019. P. 7.

судна, но также найти общий язык с командой исследователей, существовавшей в смысле реализации поставленных перед экспедицией научных задач в некоторой степени автономно. В символическом смысле наименование островов в честь главного научного института Британской империи являлось способом закрепить приоритет исследовательских задач экспедиции, а также актом выражения пиетета по отношению к академии. Кук получил две секретных инструкции от Адмиралтейства: первая обозначала официальные цели экспедиции и предписывала образ действий команды во время пребывания на Таити, вторая касалась маршрута, который предположительно мог привести Кука к открытию Неведомой Южной земли, гипотетического континента в Южном полушарии.

«Вам также надлежит тщательно исследовать состав почвы и [описать] природу произрастающих растений, зверей и птиц, населяющих [леса], рыб, обитающих в реках и прибрежных водах в том количестве и разнообразии, в каком они предстанут перед вами. Любые найденные горные породы, минералы и драгоценные камни, равно как и семена деревьев, плоды и злаки, которые возможно будет собрать, надлежит отобрать [несколько экземпляров] каждого вида и доставить в наше Министерство, где мы изучим и следуем их. Вам также следует наблюдать за способностями, характером, расположением и численностью коренного населения, и всеми возможными способами устанавливать дружественные отношения и заключить союз с ними, одаривая их различными безделицами, которые они очень ценят, приглашая их к торговле, демонстрируя всяческое уважение и доброе расположение по отношению к ним; и заботясь при этом о том, чтобы самим не пострадать от различного рода инцидентов и всегда пребывать в безопасности»¹²⁸. Инструкция предписывает Куку выполнить огромный объем работ по созданию коллекций и описанию их содержимого,

---

¹²⁸ Secret Instructions to Captain Cook, 30 June 1768 // [National Archives of Australia](https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768.pdf). URL: https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768.pdf (дата обращения: 03.05.2021)

наблюдению за местным населением, установлению и поддержанию контакта с ним, обеспечению безопасности всей команды. Очевидно, со всем этим Кук был не в состоянии справиться в одиночку. В качестве официальных должностных лиц в состав «команды ученых» экспедиции вошли астроном и ботаник. К счастью, у каждого из них были свои помощники.

Официальным астрономом экспедиции был назначен Чарльз Грин (1734-1791), уже наблюдавший за Транзитом Венеры в 1761 г. у Мыса Доброй Надежды, его помощником-ассистентом стал Невил Маскелин (1732-1811), Королевский астроном. Официальным ботаником стал Джозеф Бэнкс. Его помощниками стали: Даниэль Соландер (1733-1782), близкий друг Бэнкса, шведский натуралист, один из учеников Линнея, прибывший в Лондон в 1760 году, чтобы привести в соответствие с системой Линнея натуралистическую коллекцию недавно созданного Британского музея, Герман Споринг (1733-1771) финнский натуралист, гравер и талантливый часовщик, выполнявший функции секретаря при Соландере, художники Сидни Паркинсон (1745-1772) и Александр Бьюкен (?-1769), личный секретарь Бэнкса и двое слуг из его поместья. В честь «команды ботаников» Кук назвал залив Тасманова моря у восточного берега Австралии, открытый позднее в 1770 году – Ботанический залив (Botany Bay).

Бэнкс подготовился к экспедиции самым тщательным образом: не только грамотно выбрав соратников и помощников, но также продумав организацию своей исследовательской «лаборатории» на корабле: сорок томов специальной литературы, включая классические труды Линнея *Systema Naturae* и *Species Plantarum*, а также недавно вышедшие описания французских исследователей – путешественника Александра Далримпла (1737-1808) и этнографа Шарля де Бросса (1709-1777); специальные кабины для перевозки растений, рыб и птиц; оборудование для создания высококачественных иллюстраций. Очевидно, опыт участия в экспедиции к проливам

ньюфаундленд и Лабрадор в 1766 году позволил Бэнксу наилучшим образом подготовиться к дальнему плаванию¹²⁹.

Первой целью экспедиции была высадка на Таити, здесь команда пробудет дольше всего – двенадцать недель, и именно фрагмент Путевого дневника, содержащий описание флоры, фауны, быта и обычаев местного населения мы рассмотрим в качестве источника реконструкции научно-исследовательской деятельности Бэнкса. Этот фрагмент представляет собой цельный текст объемом около двадцати тысяч знаков, озаглавленный «Нравы и обычаи на островах Южного моря» и помещенный между записями за 14 и 16 августа 1769 года. При этом стоит сказать, что и до Таити Бэнкс и его «команда» осуществляли отдельные короткие «вылазки»: на о. Мадейра удалось собрать двести видов растений, двадцать один из которых оказался новым; в порту Рио-де-Жанейро сойти было разрешено только капитану корабля, но за непродолжительное время стоянки Паркинсону удалось зарисовать сорок видов морских обитателей; Бэнкс умолял сделать высадку на Фолклендских островах, но Кук отказался, боясь «опоздать» к моменту прохождения Венеры по диску Солнца; следующая возможность исследовать флору была предоставлена Бэнксу и Соландеру у Мыса Святого Винасента – Кук остановил корабль в бухте и отказался от высадки, а ботаники доплыли на шлюпке до суши и за четыре часа собрали сто видов растений – абсолютно все из которых оказались новыми и ранее не описанными; Мыс Доброй Надежды оказался не столь добр к исследователям – плохие погодные условия затрудняли продвижение вглубь континента; короткая остановка на островах Огненная земля принесла в коллекцию сто сорок восемь видов (семьдесят новых). Наконец, 13 апреля 1769 года «Индевор» спустил якорь в заливе Матавай у северного побережья Таити.

---

¹²⁹ *Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768-1771 / The Making of Banks Florilgium I // Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. London, 2019. P. 7.*

3.2. Таити: этнографическое и ботаническое описание острова

Остров Таити входит в число четырнадцати Наветренных островов, которые в свою очередь являются частью Островов Общества – тропического архипелага вулканического происхождения. Таити – крупнейший из островов, его площадь составляет 1042 квадратных километра. Впервые остров был открыт в 1767 году в ходе экспедиции Сэмюэля Уоллиса. В 1769 году здесь сделала свою первую длительную остановку экспедиция Кука. В течение пяти недель участники экспедиции и члены команды находились на острове, производя необходимые астрономические наблюдения, собирая образцы местной флоры и фауны, знакомясь с обычаями и традициями коренного населения (в том числе, обычаем гостеприимного гетеризма) и пополняя запасы воды и продовольствия. В это время на Таити не существовало государства: местные племена боролись между собой за влияние, однако объединение произойдет лишь в 1788 году не без участия англичан, но почти сразу с образованием французского протектората.

В ходе обследования островов архипелага Кук открыл пять островов Подветренной группы и дал им название «Острова Общества» в честь Лондонского королевского общества. Позднее название распространилось на обе группы островов: западные – Подветренные и восточные – Наветренные. Как уже было сказано, здесь, на Таити произошла первая длительная высадка экспедиции.

В своих натуралистических изысканиях Бэнкс не был оторван от жизни команды – известно, что Кук делегировал ему такие важные обязанности как ведение торговли с коренным населением¹³⁰ и разрешение конфликтных ситуаций¹³¹. Во многом это стало возможным потому, что Бэнкс хорошо понимал таитян, стремясь как можно лучше освоить их язык. *«Их язык мне*

---

¹³⁰ Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific // *Paregron*. Vol. 26. № 2. P.144.

¹³¹ Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768-1771 / The Making of Banks Florilegium I // Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. London, 2019. P. 14.

показался удивительно приятным и мелодичным, что связано с большим количеством гласных звуков. Для нас он весьма легок в произношении, таитянам же совершенно неудобно произносить английские слова. В частности, я затратил так много сил, чтобы научить их произносить мое имя и они научились: спустя три дня бесплотных усилий мне пришлось выбрать для себя из всех тех вариантов, что они пытались произнести, слово *Tabane* – по крайней мере, оно подражало моей фамилии»¹³². Бэнкс старался разобраться в этимологии и приводил сравнительную таблицу для некоторых слов из языков разных народов, населяющих Острова Тихого океана, пользовался сообщениями о языках из литературы других путешественников. В конечном итоге, он пришел к выводу, что гипотеза о том, что языки всех народов тихоокеанских островов происходят от одного праязыка «кажется не такой уж невероятной»¹³³. В «Нравах и обычаях» Бэнкс приводит составленный им словарь избранных слов, наиболее частотных в лексике таитян, а также стремится как можно чаще приводить оригинальные названия, когда речь идет о названиях местных ритуалов, самобытных предметов и специфических практик.

Благодаря вниманию Бэнкса к языку коренного населения, описанию обрядов и особенностей повседневной жизни таитян, данный фрагмент дневника ценится среди исследователей этнологов и антропологов за полноту и оригинальность этнографического материала. Действительно, Бэнкс описывает множество моментов из жизни таитян, которые в совокупности создают целостную картину жизни на острове.

«Нравы и обычаи на островах Южного моря» представляет собой один из первых в истории опытов этнографического описания и антропологических заметок, изучение которого позволяет выявить не только характерные для имперского научного дискурса способы наблюдения за чужой культурой, но

---

¹³² Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771. Sydney, 1997. [A digital text sponsored by State Library of NSW]. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (date of access: 21.05.2021).

¹³³ Ibid.

тактики взаимодействия с ней, а также проследить свойственное участникам экспедиций стремление узнать, как другие люди ощущают себя внутри природы: как в хозяйственно-бытовом отношении, так и ценностно-символическом.

Другой важный аспект, нашедший отражение в тексте Бэнкса – его исследования ботаники. И если в работе над *Florigelium* Бэнкс проявил себя как систематик, а также ревнитель качественного изображения видов на ботанических иллюстрациях, то его Путевой дневник позволяет нам увидеть непосредственное отношение Бэнкса к растительному миру: лишенное сентиментальных восторгов и полное практических соображений о пользе.

Бэнкс тщательнейшим образом описывает рацион таитян: перечисляет различные продукты – источники питания, способы приготовления блюд и ритуалы приема пищи. Наибольший интерес вызывает рассказ о Хлебном дереве¹³⁴ – основном, наиболее доступном источнике питания для таитян: он содержит любопытный пассаж о первородном грехе, которого таитяне сумели избежать.

«В отношении питания об этих счастливыхцах можно сказать, что они словно и не знают о печати первородного греха. В их случае едва ли будет справедливо утверждать, что они зарабатывают свой хлеб потом и кровью, ведь все, что от них требуется – вскарабкаться вверх по Хлебному дереву и сорвать плоды. Хлебное дерево – наиболее доступный источник питания для таитян. Хлебное дерево здесь не является в привычном для нас смысле дикорастущими: обычно мужчина сажает за всю свою жизнь порядка десяти деревьев, и это занимает лишь час или около того его времени.

---

¹³⁴ Хлебное дерево (*Artocarpus altilis*) – крайне тропическое плодовое дерево, достигающее высоты 9-18 метров и имеющее крупные темно-зеленые листья. Дерево начинает приносить плоды на шестом году и сохраняет плодоносность на протяжении пятидесяти лет, вес плодов может достигать 6 кг. Бессемянные плоды хлебного дерева традиционно идут в пищу в печеном или обжаренном на углях виде. Плоды также обрабатывают, закопав их под слоем листьев, затем смешивают с кокосовыми сливками и выпекают из них кислый хлеб. В наши дни плоды также запекают, готовят на пару или обжаривают; из плодов также получают крахмал, который зачастую используется вместо пшеничной муки. См. Хлебное дерево/ Традиционные сельскохозяйственные культуры. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/traditional-crops/breadfruit/ru/> (дата обращения: 31.05.2021).

Забываясь не только о себе, но и о будущих поколениях, здесь придерживаются этой традиции, поскольку одна холодная зима или изнуряюще-жаркое лето могут погубить урожай, и даже этот далеко не тяжелый труд сделать неблагоприятным.

«Трижды блаженны – когда б они счастье свое сознавали! Жители сёл»¹³⁵ – эти слова как нельзя лучше подходят к характеристике местных жителей. Щедрая природа не только послала им необходимое для жизни в достаточном количестве – она одарила их роскошью изобилия»¹³⁶. Далее Бэнкс перечисляет, что еще употребляют в пищу таитяне: разнообразные морепродукты, кокосы, тринадцать сортов бананов, батат, ямс, бобовые культуры, дичь, свинину и даже мясо местной породы собак (south-sea dog, tahitean dog). «Овощи – вот основная еда здесь; овощи едят в большом количестве». Бэнкс пишет, что таитяне знают два способа приготовления на огне: жарка на углях и запекание. Плоды хлебного дерева тоже запекают в течение нескольких часов так, что они становятся мягкими и «на вкус напоминают вареный картофель». Еще два-три блюда готовятся из плодов хлебного дерева посредством приготовления из них пасты и смешивания с водой или кокосовым маслом и добавления спелых плантанов, бананов, Кислой пасты (теста?).

«Раз уж я упомянул о Кислом тесте, постараюсь описать, что оно из себя представляет. Насколько я понял, хлебное дерево дает плоды лишь девять или десять из местных тринадцати месяцев¹³⁷, так что в остальные месяцы актуальна задача заготовки провианта впрок. Для того, чтобы сделать заготовки, плоды хлебного дерева собирают, как только они поспевают, и складывают в большие кучи, в которых происходит процесс ферментации и плоды становятся невыносимо сладкими; затем плоды

---

¹³⁵ Вергилий. Перевод с лат. С. Шервинского.

¹³⁶ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771. Sydney, 1997. [A digital text sponsored by State Library of NSW]. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (date of access: 21.05.2021).

¹³⁷ На Таити использовался лунный календарь.

очищают при помощи специального приспособления и мякотью плодов доверху наполняют емкости, стенки и дно которых устланы травой – такие емкости есть здесь в каждом доме; сверху также укрывают листвой и травой и придавливают камнем. Здесь происходит второй этап ферментации и окисление. В таком виде заготовки сохраняются в течение многих месяцев, как мне сообщили. <...>

Описанный мною процесс здесь называют Mahai, он зависит от процесса ферментации и, как я полагаю, далеко не всегда успешен. Проходит он под присмотром старух, которые следят за соблюдением многочисленных суеверий и никого не подпускают близко к заготовкам»¹³⁸.

Научные экспедиции второй половины XVIII века были нацелены на использование того огромного потенциала для экономики метрополий, что был явлен в предшествующие две сотни лет импорта табака, чая, кофе и сахара. Идея национального престижа и имперские амбиции реализовывались не только в присвоении и освоении новых территорий, но и их рациональном использовании. Алан Фрост подчеркивает, что «привычка к транспортировке растений являлась важнейшим аспектом британского империализма во второй половине XVIII века¹³⁹». Интересно, что к такому подходу к совершенствованию ботаники – экономически эффективному и политически ангажированному, апеллировал «отец ботаники» Карл Линней. Однако, как отмечает Александра Кук, его проекты блестящих с предпринимательской точки зрения инициатив были восприняты и наиболее успешно использованы отнюдь не Швецией, а другими государствами, нацеленными на экспансию, и Британская империя в этом отношении добилась наибольших успехов¹⁴⁰.

---

¹³⁸ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771. Sydney, 1997. [A digital text sponsored by State Library of NSW]. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (date of access: 21.05.2021).

¹³⁹ Frost A. The antipodean exchange: European Horticulture and imperial designs // Visions of Empire: Voyages, botany and representations of nature / ed. Miller D.P., Reill P.H. Cambridge, 1996. P. 74.

¹⁴⁰ Cook A. Politics of Nature and Voyages of Exploration: some purposes and results // Voyages and Exploration in the North Atlantic from the Middle Ages to the XVII century/ ed. Agnarsdottir. Reykjavik, 2001. URL: https://www.academia.edu/576852/Politics_of_nature_and_voyages_of_exploration_some_purposes_and_results (date of access: 31.05.2021).

Бэнкс стал автором масштабного проекта по перевозке хлебного дерева в Вест-Индию, целью которого было обеспечение дешевым питанием рабов¹⁴¹. Рабовладельческие плантации на о. Ямайка нуждались в дешевом и доступном продовольствии. Хлебное дерево, поразившее Бэнкса своей неприхотливостью (в родном климате) и высокой плодородностью, послужило причиной снаряжения новых экспедиций на о. Таити: первой экспедицией стала печально известная экспедиция 1789 года под командованием капитана Уильяма Блая, против которого матросы подняли мятеж и, высадив его на шлюпку в открытом океане, повернули «Баунти» обратно к берегам Таити. Восставшие попытались основать поселение на Таити, а затем на о. Тубауи, однако, потерпев несколько неудачных попыток, «растворились» среди таитян: часть из них были впоследствии убиты аборигенами во время конфликтов, часть – арестованы англичанами, прибывшими со второй экспедицией на корабле «Пандора» в марте 1791 года, часть – покинула Таити в 1790 году и основала-таки поселение на о. Питкэрн во главе с Джоном Адамсом (единственное поселение на острове, существующее по сей день). Джозеф Бэнкс выступил с инициативой по транспортировке саженцев хлебного дерева уже будучи президентом Лондонского королевского общества и советником Георга III по вопросам организации и управления Кью. Он добился снаряжения экспедиции 1789 года и отправил вместе с Блаем двух своих протеже Нельсона и Брауна, сотрудников Садов Кью, для того, чтобы обеспечить сохранность и должный уход за саженцами и молодыми побегами столь желанного растения. По замыслу Бэнкса команда должна была находиться на Таити в течение пяти месяцев, чтобы не просто выкопать и забрать деревья, но дожидаться, пока собранные и посаженные семена прорастут, превратятся в побеги и окрепнут настолько, что смогут перенести длительное морское путешествие. Ввиду

---

¹⁴¹ *Tyler-Whittle M.S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. London, 1972. P. 89-91.*

этого столь длительное пребывание на острове, как полагают историки, стало одной из причин мятежа: матросы привыкли, по достоинству оценили преимущества жизни на гостеприимном острове, и перспектива возвращения их более не прельщала¹⁴². Нельсон и Браун собрали чуть более тысячи саженцев, но их дальнейшая судьба неизвестна. Вторую экспедицию за Хлебным деревом, как ни странно, возглавил вновь Уильям Блай, который смог вернуться в Англию и, представ перед судом, был полностью оправдан. В 1793 году Блай на корабле «Провиденс» доставил на Ямайку и о. Сент-Винсент саженцы хлебного дерева, которые благополучно прижились. Согласно информации Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций в настоящее время хлебное дерево распространено по всему Тихоокеанскому региону¹⁴³.

Проект про транспортировке хлебного дерева явился не первым и не единственным подобным прибыльным предприятием – точно так же Британия ранее осуществила «пересадку» чая из Китая в Индию, а позднее интересовалась возможностями выращивания новозеландского сорта льна и австралийских овец на Британских островах¹⁴⁴. Лоббирование Бэнксом этого проекта является показательным примером «имперской ботаники», когда ученый-натуралист не просто отправляется в экспедицию в соответствии с задачами описания и изучения новых территорий, но также отыскивает способ извлечь практическую пользу и экономическую выгоду для государства из результатов своих исследований.

3.3. Способы фиксации наблюдений и особенности работы натуралиста

С позиции истории науки важнейшей проблематикой исследования как исторического контекста появления, так и содержания данного источника является выявление в данный период степени влияния систематики на методы

---

¹⁴² Ibid. P. 91.

¹⁴³ Хлебное дерево/ Традиционные сельскохозяйственные культуры. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/traditional-crops/breadfruit/ru/> (дата обращения: 31.05.2021).

¹⁴⁴ *Chambers N.A. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770-1830. London, 2007. P. 10.*

этнографического описания: создание коллекций, рисунков и способов классификации собранных материалов.

Известно, что помимо письменных свидетельств участники экспедиции собирали коллекции – как натуралистические, так и этнографические. Если объектами первых становились семена, гербарные и живые образцы растений, окаменелости, минералы, то содержание вторых было весьма разнообразным: и детали костюма, элементы утвари, образцы строительных материалов, орудия труда, музыкальные инструменты, предметы культа – одним словом, все, что считывалось путешественниками как диковинное и удивительное, подлежащее изучению. Если натуралистические коллекции частично были переданы Бэнксом в Королевские ботанические сады Кью, а частично оставлены у себя для собственных исследовательских нужд, зоологические и анатомические – переданы в дар Коллегии хирургов (the Company of Surgeons), то этнографические коллекции, собранные за время участия в первой экспедиции Кука перешли в ведение Британского музея. Бэнкс никогда не продавал свои коллекции – такие щедрые дары способствовали укреплению его репутации и располагали к нему руководство и сотрудников¹⁴⁵. Однако, чтобы эти предметы могли бы в составе коллекции служить ключом к разгадке культурного кода чужой культуры, необходимо было сопровождать их описанием, которое, на первый взгляд, заметно отличалось от описаний натуралистических коллекций: большим объемом, пространностью, разноплановостью тематики и разнообразием лексики, но при более пристальном рассмотрении, оказывалось выполнено в соответствии с логикой систематики. Так, описывая тот или иной предмет (к примеру, тапу – нетканый материал на о-вах Тихого океана, изготавливаемый путём вымачивания и отбивания коры бумажной шелковицы), автор обязательно приводит название на местном языке, передает внешний вид предмета и зачастую – способ его

---

¹⁴⁵ См. *Chambers N.A. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770-1830. London, 2007. P. 3-5.*

изготовления. Все упоминания местной флоры приведены на латыни. Одежды, татуировки и некоторые предметы были зарисованы С. Паркинсоном.

Натуралисты и их помощники во время плавания трудились над созданием коллекций ежедневно, обычно с 8:00 до 14:00 и с 16:00 или 17:00 до наступления темноты, в случае если сильный шторм не прерывал их работу, что, однако, случалось нечасто¹⁴⁶. Вот как Бэнкс комментирует в своем дневнике работу над собранными материалами: *«мы торопливо делали описания ко всем предметам естественнонаучной коллекции, пока образцы оставались свежими... В тот момент, когда изнуренные долгим путешествием с берега на корабль, наши образцы теряли свою свежесть мы стремились закончить каждое описание и снабдить его синонимичными названиями из тех книг, что были у нас с собой. Эти завершенные статьи с описаниями сразу же фиксировались нашим секретарем Спорингом в книгах, посвященных флоре каждой из земель, что мы посетили»*¹⁴⁷.

Художник Сидни Паркинсон выполнял не только этнографические рисунки, но и ботанические иллюстрации. В ходе плавания художник вынужден был быстро работать в новых для себя и непростых условиях экспедиции: однажды рой экзотических мух уничтожил целую серию его рисунков на Таити. Несмотря на трудности и большой объем работы Паркинсон находился под большим впечатлением от увиденного и находил возможность вести иллюстрированный журнал о путешествии исключительно для себя. Он также собирал зоологическую и этнографическую коллекцию. Ввиду смерти художника в 1771 г. по возвращении из экспедиции Бэнкс выплатил его брату Стэнфилду Паркинсону все жалование, которое причиталось Сидни за время экспедиции, однако оставил в собственном распоряжении не только выполненные за плату рисунки, но и путевой журнал

---

¹⁴⁶ Gooding M. The Florilegium, 1772-1990 // Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks' Florilegium: Botanical Treasures from Cook's First Voyage. London, 2019. P.297.

¹⁴⁷ Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771. Sydney, 1997. [A digital text sponsored by State Library of NSW]. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (date of access: 21.05.2021).

и коллекции художника. Последнее вызвало негодование Стэнфилда, но Бэнкс считал, что как покровитель и наставник он вправе распоряжаться интеллектуальным наследством своего младшего коллеги. Рисунки Паркинсона впоследствии стали основой для работы Бэнкса над обширными коллекциями, привезенными из путешествия.

Бэнкс предавал большое значение визуальным средствам коммуникации. Он тщательнейшим образом продумывал собственные портреты, которые становились самостоятельным способом демонстрации его научно-исследовательского кредо в среде ученых. Особенно интересно сравнить его портреты, выполненные вскоре после возвращения из экспедиции: Бенджамин Уэст изображает Бэнкса в традиционных одеждах новозеландских племен в окружении этнографических артефактов, привезенных с Таити (См. Приложение 5.), а Джошуа Рейнолдс помещает фигуру Бэнкса в кабинет с распахнутым окном, за которым угадывается морской пейзаж, фигура самого Бэнкса при этом обращена к глобусу (См. Приложение 4.). Более поздний портрет Бэнкса кисти Томаса Филиппса представляет Бэнкса как солидного, влиятельного руководителя, сидящего в обитом красным бархатом кресле в окружении регалий президента Лондонского королевского общества, но и здесь подчеркивается его связь с наукой – Бэнкс окружен рукописями статей, которые он просматривает и отбирает для публикации в Философских изысканиях Лондонского королевского общества (См. Приложение 6.). С не меньшей тщательностью Бэнкс относился к организации работы по изданию ботанических иллюстраций, ведь «ботаническая иллюстрация в контексте конструирования имперской идентичности выполняла также такие значимые функции, как демонстрация потенциала четкого упорядочения природного мира и

символическая легитимация имперских властных иерархий через тиражирование иерархий растений»¹⁴⁸.

Ботаник не владел навыками изобразительного искусства и всегда пользовался услугами профессиональных иллюстраторов и гравёров. При этом Бэнкс непосредственно контролировал процесс издания как отдельных иллюстраций, так и флор, и внес огромный вклад в процесс популяризации и совершенствования техники ботанической иллюстрации. «Поскольку процесс складывания принципов номенклатуры и таксономии растений даже с момента появления системы классификации Линнея оставался темой жарких дискуссий, ботаническая иллюстрация как визуальное средство оформления и передачи знания о природе, стала тем элементом научной культуры, который снимал возможные противоречия по поводу понимания сущностных характеристик растения и облегчал распознавание растений в целом благодаря своей наглядности»¹⁴⁹. Одним из наиболее ярких примеров того, какое значение придавал Бэнкс ботаническим иллюстрациям стала его забота о рисунке, изображающем Стрелитцию королевскую (См. Приложение 7). Привезенная Мэссоном из Южной Африки Стрелитция королевская, названная в честь жены Георга III королевы Шарлотты Мекленбург-Стрелицкой, стала сенсацией. Бэнкс распространил копии рисунка, сделанного Джеймсом Сауэрби (1757-1822), в гравюрах, а впоследствии заказал Францу Бауэру (1758-1840) полноцветную иллюстрацию-литографию стрелитции, выращенной в садах Кью. За эту работу Бауэр удостоился пожизненного аннуитета¹⁵⁰. Брат художника Фердинанд Бауэр (1760-1826) был впоследствии привлечен Бэнксом к работе над сбором растений и созданию иллюстрированного ботанического атласа растений Австралии. Что

---

¹⁴⁸ Шипицына Ю.С. Ботаническая иллюстрация в Британии во второй половине XVIII — начале XIX века в контексте становления таксономического подхода к познанию мира. // «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина». 2020. № 4. С. 52.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Lack H.W. A Garden Eden. Masterpieces of Botanical Illustration / H.W. Lack. Köln, 2016. P. 522.

касается рисунков, сделанных непосредственно во время пребывания на Таити С. Паркинсоном, впоследствии с них были сделаны раскрашенные гравюры Ф.П. Нодлером, которые не утратили своей яркости по сей день и используются при публикациях *Florilegium*, о чем мы упоминали при характеристике данного источника.

При описании большинства реалий и местной жизни Бэнкс старается придерживаться нейтрального стиля изложения. Однако иногда позволяет себе оценку: так, автор откровенно сожалеет о том, что *«при таком разумном подходе к насущным вещам, эти люди погружены в невежество, которое сковывает их возможности познания и сдерживает их технологии <...> я имею в виду политеизм и убеждение в том, что род людской был создан не Господом-Творцом, а произошел из чрева подземного божества. Попытки вразумить их воспринимаются как акты святотатства. Люди здесь чтут верования своих предков»*.

Бэнкс подчеркивает открытый прием, оказанный ему таитянами и доверительные отношения между натуралистом и местными жителями: *«Я чувствовал себя среди них так свободно, словно в своей родной стране, оставаясь на ночлег в их деревянных хижинах с кем-то из своих компаньонов. Не знаю, в праве ли я судить об их нравах и обычаях в отношении повсеместного распространения на островах Южного моря, в любом случае, тот, кто примется читать этот журнал, станет таким же судьей, каким был я¹⁵¹»*. В этом фрагменте Бэнкс словно убеждает читателя, что он стремился запечатлеть все увиденное в той данной ему реальности, беспристрастно и точно. Проследив за логикой изложения мы можем сделать вывод о комплексном изучении всех сторон жизни таитян. Но некоторые аспекты оказались под более пристальным вниманием Бэнкса. Например, он подробно описывает внешний облик таитян: *«они [таитяне] крупнее европейцев, все имеют превосходное телосложение, а некоторые отличаются особой*

---

¹⁵¹ Ibid.

привлекательностью, причем, как мужчины, так и женщины. Единственный недостаток – их носы, они как правило плоские. Эта черта, однако, компенсируется хорошими зубами, ровность и белизна которых близки к совершенству, а также – глазами женщин, полными огня и экспрессии¹⁵²».

Сильное впечатление произвели на европейца татуировки, которые наносятся на женские ягодицы. Бэнкс стал свидетелем процесса нанесения и недоумевал: *«ради чего они терпят столь сильную боль – непонятно¹⁵³»*. В описании одежды натуралист подчеркивает аккуратность и чистоплотность. Удивляется тому, что здесь принято мыться три раза в день. Описывает крайне бережное отношение к одежде и раскрывает ее символическое значение: много одежды на человеке – верный признак богатства и социального статуса. Здесь же Бэнкс поражается «бесстыдству» таитян, отсутствию у них чувства такта, деликатности и границ в обсуждении интимного: *«Целомудрие здесь не в чести. И если выясняется, что жена не верна своему мужу, единственное наказание для нее – побои мужа¹⁵⁴»*, а также описывает своеобразные «домики для брака», в которые мужчины и женщины уплывают на лодках, чтобы провести вместе ночь.

Текст Бэнкса демонстрирует искренний интерес автора к устройству быта и образу жизни туземцев. Большинство исследователей наследия Бэнкса сходятся во мнении о том, что отношение Бэнкса к другой культуре было открытым, дружественным, уважительным¹⁵⁵. Но есть и другая точка зрения. Так, Дэниел Симпсон считает, что этнографическая составляющая коллекции Бэнкса была заведомо обречена на фрагментарность, а язык описания – на поверхностность и предвзятость, ввиду очевидного энтузиазма в отношении ботаники и якобы равнодушия к людям¹⁵⁶. На наш взгляд, все подозрения в

---

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ Ibid.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific // *Paregron*. Vol. 26. № 2. P.139-160.; Goodman J. *Painting the world: Joseph Banks and his collectors. An adventurous history of botany*. London, 2020. 560 p.

¹⁵⁶ Simpson D. Ethnographic collecting and the despotism of Joseph Banks // *Journal of Maritime research*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/21533369.2020.1717166> (дата обращения: 29.04.2021).

«равнодушии» снимает с Бэнкса факт дружбы с таитянским священником Тупаей (Tupaia), который согласился отправиться вместе с Бэнксом в дальнейшее плавание. Этот эпизод из жизни Бэнкса был подробно изучен Ванессой Смит, которая отмечает не только дружелюбие Бэнкса и неподдельный интерес к жизни аборигенов, но и уважение и признание с его стороны достоинств таитянского уклада жизни и мудрости, свойственной таитянам¹⁵⁷.

Описанные нами в данном разделе стратегии наблюдения, описания и интерпретации, используемые Бэнксом при создании «Нравов и обычаев на островах Южного моря», показывают Бэнкса как компетентного, трудолюбивого и полного энтузиазма в отношении предмета своего исследования ученого. В описании флоры Бэнкс предстает перед нами как типичный исследователь раннего нового времени: уверенный в возможности познания и подчинения природного мира, использующий в своем познании идеальные схемы объяснения – искусственную классификацию Линнея, ориентированный на эмпирический метод познания, стремящийся к созданию нейтрального объективного описания окружающей его действительности, при этом свободный в интерпретации увиденного при поиске закономерностей. Здесь автор работы руководствуется прежде всего теми характеристиками ученого раннего Нового времени, которые сформулировали и убедительно аргументировали Л. Дастон и П. Галисон в своей работе «Объективность». Подход, который использует Бэнкс к своей исследовательской практике, не только хронологически, но и типологически перекликается с выделенным Дастон и Галисоном «режимом «Истины-по-природе»¹⁵⁸. Этнографический компонент путевого дневника открывает перед нами Бэнкса, фактически свободного от предубеждений в отношении не европейцев и открытого к коммуникации с аборигенным населением, проявляющего к ним искренний

---

¹⁵⁷Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific // *Paregron*. Vol. 26. № 2. P.139-160.

¹⁵⁸ Дастон Л., Галисон П. Объективность. М., 2018. С. 109-123, 131.

интерес и дающий положительную оценку многим сторонам жизни этих людей, отличных от принятых в его родной культуре. Кроме того, заметки Бэнкса, ставшие впоследствии основой для его проекта по перевозке хлебного дерева, еще раз подтверждают утилитарный характер знания в эпоху Просвещения.

Участие Бэнкса в кругосветной экспедиции Кука, по нашему мнению, не только с торией вернуло вложенные Бэнксом затраты и предпринятые хлопоты, но и превзошло все ожидания от соприкосновения с экзотическим миром тихоокеанских островов и австралийского побережья, оправдало надежды на высокую оценку тех усилий, что приложил натуралист к созданию и сохранению во время морской перевозки коллекций, тщательному описанию собранных образцов и всего, что увидел и с чем столкнулся Бэнкс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значимые открытия в области систематики в середине XVIII века (предложенные К. Линнеем половая система классификации растений и биномиальный принцип наименования видов) предоставили ученым-натуралистам новые «инструменты» исследования и, что не менее важно, подарили саму идею о возможности постижения человеком природы. В то же время утилитарные задачи описания обширных территорий и освоения природных ресурсов империи естественным образом стимулировали развитие таких областей как ботаника, зоология и науки о земле. Все это превратило естественную историю в одну из ведущих познавательных моделей своего времени. Джозеф Бэнкс был одним многих, кто воспринял перемены в процессе познания и откликнулся на запрос имперского дискурса. Он принял вызов эпохи: освоившись в потоке следующих друг за другом открытий, публикаций, экспедиций, заседаний научных сообществ, докладов, экспериментов – возглавил его.

Каковы были те факторы, что обеспечили Бэнксу успешный старт на поприще изучения естественной истории?

Уровень развития ботанического знания и представление об эффективности принципа «описание – познание – подчинение» в отношении природного мира обусловили специфику практической деятельности ботаника, связанной со сбором, накоплением и систематизацией эмпирического материала. И в рамках этой деятельности Бэнкс добился впечатляющих результатов, высоко оцененных современниками. Перечислив наиболее значимые проекты, инициированные и поддержанные Бэнксом, мы убедились в многогранности его исследовательского интереса, высокой степени вовлеченности в научную жизнь и влияния на формирование научной культуры своего времени.

Успешная научно-исследовательская деятельность Бэнкса в ходе первой кругосветной экспедиции Дж. Кука стала решающим фактором в завоевании признания со стороны академического сообщества. Как мы стремились

показать, не только обширные коллекции экзотических растений и этнографических предметов, составили славу Бэнксу. В течение всей своей жизни он продолжал работу над собранным эмпирическим материалом и использовал свои записи для осуществления разнообразных проектов и инициатив, потенциально способных принести пользу британской экономике.

Существенное значение также имело материальное благосостояние ученого и отсутствие необходимости подчинять свою исследовательскую деятельность поискам материального вознаграждения. Социальное происхождение и репутация также сыграли свою роль. Несмотря на скандалы вокруг приключений Бэнкса на Таити и нападки в памфлетах, Бэнкс пользовался большим уважением в среде интеллектуальной и государственной элиты Британии и стал доверенным лицом короля Георга III. Бэнкс стремился так организовать свою частную жизнь, чтобы его дом на Сохо сквер стал знаковым местом для встреч и общения интеллектуальной элиты Лондона. Бэнкс упорно работал над установлением научных контактов по всему миру и использовал любую возможность для расширения своих связей.

При том, что в честь Бэнкса получили свои названия множества видов растений, животных и косвенно – даже некоторые географические объекты, имя этого выдающегося натуралиста сегодня мало известно. Не интересующийся историей науки обыватель скорее вспомнит изобретателей Роберта Бойля и Гемфри Дэви, теоретиков Фрэнсиса Бэкона и Исаака Ньютона, путешественников Джеймса Кука и Уильяма Блая. Область знания, которую выбрал для себя Бэнкс, в настоящее время не выглядит столь яркой и увлекательной, какой казалась натуралисту и его современникам, скорее наоборот: в русском языке слово «ботаник» имеет переносный пренебрежительный смысл и обозначает человека скучного, заикленного на какой-либо узкой сфере деятельности и отрешенного от жизни. Прекрасные, но безмолвные коллекции ботанических иллюстраций и гербарных образцов сегодня ставят перед исследователями больше вопросов, нежели дают ответов.

Однако изучение контекстов бытования ботанических иллюстраций, за каждой из которых стояли личности художника, натуралиста и коллекционера, и специфики перемещения растений по земному шару в XVIII веке открывает перед нами удивительный мир имперской ботаники. Л. Дастон подчеркивает, что «сегодня каждый может принять участие в прикладной метафизике наименования видов»: по оценкам экспертов-систематиков, со времен Линнея по сей день было описано около 1,7 млн видов, неоткрытыми остаются по разным подсчетам от 10 до 100 млн, и Калифорнийская академия наук призывает всех желающих и дает возможность любому принять участие в процессе описания видов¹⁵⁹. Не будет преувеличением сказать, что во многом такая доступность систематики в наши дни – заслуга Бэнкса.

В данной работе мы стремились актуализировать историко-ботанический дискурс на материале изучения фрагмента путевого дневника Джозефа Бэнкса, озаглавленного «Нравы и обычаи на островах Южного моря», и показать Бэнкса как практикующего исследователя и реконструировать метод нововременной науки как предтечи науки современной на примере естественной истории и непосредственной деятельности Бэнкса в ходе экспедиции. Участие Бэнкса в первом кругосветном путешествии оказалось для него «трамплином» в академическое сообщество. Как трансформировалось его видение целей и задач ботаники и научного знания на протяжении наступившей по возвращении ботаника в Лондон «эры Бэнкса»? Как Бэнкс адаптировал свои навыки и умения работы «в поле» для организации и управления ведущим институтом – Лондонским королевским обществом? Это вопросы, на которые еще предстоит дать ответ.

---

¹⁵⁹ *Daston L. Type Specimens and Scientific Memory // Critical Inquiry. 2004. № 31. P. 182.*

Список источников и литературы

Источники

1. Banks J. Effects of the *Equisetum palustris* on drains. Communications to the Board of Agriculture. 1800. № 2. P. 349 -350.
2. Banks J. Short account on the cause of the disease in corn, called by farmers the blight, the mildew, or the rust. London. 1805.
3. Banks J. A description of a Roman vault, discovered in the suburbs of the City of York// *Archaeologia or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquities*. 1809. Iss. 16(1).
4. Banks J. An attempt to ascertain the time when the potatoe [sic] (*Solanum tuberosum*) was first introduced into the United Kingdom // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 1812. Iss.1. P. 147-156.
5. Banks J. On the forcing-houses of the Romans, with a list of fruits cultivated by them, now in our gardens. London: Repertory of Arts, Manufactures, and Agriculture. 1812.
6. Banks J. Hints respecting the proper mode of inuring tender plants to our climate. London: Repertory of Arts, Manufactures, and Agriculture. 1814.
7. Banks J. Notes relative to the first appearance of the *Aphis Lanigera*, or the apple tree insect, in this country // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 1817. Iss. 2. P.162-169.
8. Banks J., Roxburgh W. Plants of the coast of Coromandel [New Zealand]. London: G. Nicol, 1793. 68 p.
9. Banks J., Britten J., & Solander D. Illustrations of Australian plants collected in 1770 during Captain Cook's voyage round the world in H. M. S. Endeavour by the Right Hon. Sir Joseph Banks and Daniel Solander, with determinations by James Britten. British Museum. 1900-1905. Three volumes. London: Andesite Press, 2017.
10. Banks R. E. R., Elliott B., Hawkes J. G., King-Hele D., Lucas G. L.. Sir Joseph Banks: a global perspective. London: Royal Botanic Gardens, Kew, 2000. 237p.

11. Journal of the Right Hon. Sir Joseph Banks Bart., K.B., P.R.S. During Captain Cook's First Voyage in HMS Endeavour in 1768–71 to Terra del Fuego, Otahite, New Zealand, Australia, the Dutch East Indies. London: McMillian & Co, 1896. 466 p.

12. Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771. Sydney: University of Sydney Library, 1997. [A digital text sponsored by State Library of NSW]. URL: <https://setis.library.usyd.edu.au/ozlit/pdf/p00021.pdf> (date of access: 21.05.2021)

13. Banks J. The Endeavour Journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771 / Ed.B.P. Sandford. Sydney: University of Sydney Library, 1998. In two volumes. Vol.1. 438 p.: Vol.2. 603 p. URL: <https://adc.library.usyd.edu.au/view?docId=ozlit/xml-main-texts/p00021.xml;chunk.id=d1207e10874;toc.depth=1;toc.id=d1207e10644;database=;collection=;brand=default> (date of access: 31.05.2021)

14. Banks J. The Banks letters: a calendar of the manuscript correspondence of Sir Joseph Banks preserved in the British Museum, the British Museum (Natural History) and other collections in Great Britain / Ed. Be W. R. Dawson. London: Trustees of the British Museum, 1958. 1024 p. URL: <https://archive.org/details/banksletterscale1958bank/page/932/mode/2up> (date of access: 31.05.2021).

15. Cook J. Captain Cook's Journal during his First Voyage round the World, made in H.M. Bark Endeavour, 1768–71 / ed. W.J.L. Wharthon. London: Elliot Stock, 62, Paternoster Row, 1893.

16. Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks` Florilegium: Botanical Treasures from Cook`s First Voyage. London: Thames & Hudson, 2019. 320 pp.

17. Charters of the 1660s / Royal Charters. URL: <https://royalsociety.org/about-us/governance/charters/> (дата обращения: 27.05.2021)

18. Masson F. An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa; Undertaken for the Discovery of New Plants, towards the Improvement of the Royal Botanical Gardens at Kew // Philosophical Transactions of the Royal Society. 1776. V. 66. P. 268-317.

19. Secret Instructions to Captain Cook, 30 June 1768 // National Archives of Australia. URL: https://www.foundingdocs.gov.au/resources/transcripts/nsw1_doc_1768.pdf (дата обращения: 03.05.2021)

20. Hawkesworth J. An Account of the Voyages Undertaken by the Order of His Present Majesty, For Making Discoveries in the Southern Hemisphere. Vol. I-III. London: Strahan & Cadell, 1793. 518 p.

21. The “Endeavour” journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771 / ed. J.C. Beaglehole. Sydney, London: Public Library of New South Wales and Angus & Robertson, 1962. 2 volumes.

Исследования

22. Бобров Е.Г. Карл Линней. Ленинград: Наука, 1970. 284 с.

23. Дастон Л. История науки и история знания. // Логос. 2020. Том 30. №1. С. 63-90.

24. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.

25. Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. 2020. Т.30. №1. С.45.

26. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.

27. Иванов К. Астрономы и топографы в борьбе за Центральную Азию. // Логос.2020. Том 30. № 2. С. 15-40.

28. Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России. (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Издательство СПб ИИ РАН «Нестор-История», 2004. 242 с.

29. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 95-156.
30. Любарский Г.Ю. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни. // Логос. 2020. Том 30. №1. С. 141.
31. Михайлов И.А. Английское Просвещение и журнал *Philosophical Transactions of the Royal Society*. Новая эпоха развития европейской науки // Философские науки. 2014. № 5. С. 9–23.
32. Павлинов И.Я. Номенклатура в систематике. История, теория, практика. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2015. 439 с.
33. Писарев А., Гавриленко С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // Логос. 2020. Т. 30. №1. С.1-28.
34. Форестер Г. Путешествие вокруг света. М.: Наука, 1986. С. 566.
35. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 437 с.
36. Хлебное дерево/ Традиционные сельскохозяйственные культуры. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. URL: <http://www.fao.org/traditional-crops/breadfruit/ru/> (дата обращения: 31.05.2021).
37. Шипицына Ю.С. Имперская ботаника: современные подходы к изучению науки и власти в XVIII в.// *IMAGINES MUNDI*. Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. Екатеринбург. 2021. № 11. Серия Интеллектуальная история. Вып. 5. С. 218-227.
38. Шипицына Ю.С. «Ботанический журнал Кертиса»: обстоятельства появления первого британского периодического издания по ботанике (1778) // *IMAGINES MUNDI*. Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв. Екатеринбург. 2021. № 11. Серия Интеллектуальная история. Вып. 5. С. 136-145.
39. Шипицына Ю.С. Ботаническая иллюстрация в Британии во второй половине XVIII — начале XIX века в контексте становления таксономического подхода к познанию мира. // «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина». 2020. № 4. С. 59-65.

40. Этимология слова Florilegium. URL: <https://educalingo.com/ru/dic-en/florilegium> (дата обращения: 27.05.2021).

41. Ямпольский М.Б. История культуры как история духа и естественная история // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-kultury-kak-istoriya-duha-i-estestvennaya-istoriya.html> (дата обращения: 23.11.2020).

42. Banks, Sir Joseph, baronet / by J. Gascoigne// Oxford Dictionary of National Biography. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-1300> (date of access: 31/05/2021).

43. Banks, Joseph (1743-1820) / by L. A. Gilbert //Australian Dictionary of Biography. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/banks-sir-joseph-1737> (date of access: 31.05.2021).

44. Banks, Sir Joseph // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Joseph-Banks> (date of access: 31.05.2021).

45. Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. Introduction // The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century.. Washington: University of Dayton, 2017. P. 1-11.

46. Beaglehole J.C. The Journals of Captain James Cook on His Voyages of Discovery, vol. I: The Voyage of the Endeavour 1768–1771. Cambridge University Press. 1968. 684 p.

47. Beaglehole J.C. Introduction // The “Endeavour” journal of Sir Joseph Banks, 1768-1771 / ed. J.C. Beaglehole. Sydney, London: Public Library of New South Wales and Angus & Robertson, 1962. P. 1-146.

48. Bleichmar D. Visible Empire: Botanical Expeditions and Visual Culture in the Hispanic Enlightenment. Chicago: The University of Chicago Press, 2012, 286 p.

49. Britten, J. 1920. Banks as a botanist // Proceedings of the Linnean Society. Supplement. № 132. P.15-20.

50. Cameron H.Ch. Sir Joseph Banks KB., P.R.S.: the autocrat of philosophers. London: Batchworth Press, 1952. 341 p.
51. Carter H.B. Sir Joseph Banks, 1743-1820. London: British Museum (Natural History), 1988. 671 p.
52. Casid J.H. Sowing Empire: Landscape and Colonization. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2005. 312 p.
53. Chambers N.A. The Society of Arts and Joseph Banks: a first step in London learned society / The Royal Society Journal of the history of science. 2007. Vol.61. Is. 3. P. 313-336.
54. Chambers N.A. Joseph Banks and the British Museum: the world of collecting, 1770-1830. London: Pickering and Chatto, 2007. 195 p.
55. Cook A. Politics of Nature and Voyages of Exploration: some purposes and results // Voyages and Exploration in the North Atlantic from the Middle Ages to the XVII century/ ed. Agnarsdottir. Reykjavik, 2001. URL: [https://www.academia.edu/576852/ Politics of nature and voyages of exploration on some purposes and Results](https://www.academia.edu/576852/Politics_of_nature_and_voyages_of_exploration_on_some_purposes_and_Results) (date of access: 31.05.2021)
56. Cornish C. Curating Science in an Age of Empire. Kew's Museum of Economic Botany [phd thesis]. London, 2013. 452 p.
57. Davies J. G. Sir Joseph Banks, P. C., K. C. B.. F. R. S. (1743-1820). // Nature. 1943. №153. P. 181-183.
58. Daston L. Type Specimens and Scientific Memory // Critical Inquiry. 2004. № 31. P. 153-182.
59. Gascoigne J. Joseph Banks and the English Enlightenment: useful knowledge and polite culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P.8.
60. Gooding M. The Voyage of Endeavour, 1768-1771 / The Making of Banks Florilegium I // Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks` Florilegium: Botanical Treasures from Cook`s First Voyage. London: Thames & Hudson, 2019. P. 7-19.
61. Goodman J. Painting the world: Joseph Banks and his collectors. An adventurous history of botany. London: William Collins, 2020. 560 p.

62. Lyons H. The Royal Society 1660—1940: f history of its administration under its charters. Cambridge: Cambridge University Press, 1944. P. 212-215.
63. Mabberley D. The Plates / The Making of Banks Florilgium I // Gooding M., Mabberley D., Studholme J. Joseph Banks` Florilegium: Botanical Treasures from Cook`s First Voyage. London: Thames & Hudson, 2019. P. 20-21.
64. Thompson C. Women Travellers, Romantic-era science and the Banksian empire // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. 2019. P. 431-455.
65. Easterby-Smith S. Botanical collecting in eighteenth-century London. Curtis`s Botanical Magazine. 2017. № 34(4). P. 279-297.
66. Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge: Columbia University Press, 2003. 168 p.
67. Fara P. The Presidential portraits: Joseph Banks in The National Library // National Library of Australia News. 1998. Vol.9. № 3. P. 7-10.
68. Fara P. The Royal Society's portrait of Joseph Banks / The Royal Society Journal of the history of science. 1997. Vol. 51. Is. 2. P. 199-210.
69. Gascoigne J. Science in the service of empire: Joseph Banks, the British state and the uses of science in the age of revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 247 p.
70. Goodman J. After Cook: Joseph Banks and his travelling plants, 1787-1810 // The Historian. 2016/2017. P.10-14.
71. Heath E. Joseph Banks and British botanical diplomacy // Australian Garden History. 2019. № 30. P. 16-19.
72. Hoppit J. Sir Joseph Banks`s provincial turn // The Historical Journal, Vol. 61, Iss. 2. 2018. P. 403–429.
73. Frost A. The antipodean exchange: European Horticulture and imperial designs // Visions of Empire: Voyages, botany and representations of nature / ed. Miller D.P., Reill P.H. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 58-76.

74. Joseph Banks, Science, Culture and the Remaking of the Indo-Pacific World. URL: <https://www.rmg.co.uk/collections/research/joseph-banks-science-culture-remaking-indo-pacific-world> (дата обращения: 25.04.2021)
75. Lack H.W. A Garden Eden. Masterpieces of Botanical Illustration. Köln, 2016. 728 p.
76. Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge; Harvard University Press, 1987. 274 p.
77. Maiden J. H. Sir Joseph Banks: the “father of Australia.” New South Wales: K. Paul. 1909. 244 pp.
78. Miller D. Ph. The Royal Society of London 1800-1835: a study of cultural politics of scientific organization (phd thesis). Philadelphia: University of Pennsylvania, 1981. URL: <https://repository.upenn.edu/dissertations/AAI8127050> (date of access: 31.05.2021).
79. Miller D.Ph., Reill P.H. Visions of Empire: Voyages, Botany, and Representations of Nature. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 370 p.
80. Moss S.R. Cultivating Curiosities: Plants as Collections in the Eighteenth century (phd thesis). Heslington, 2018. 452 p.
81. Moved Natural Objects. Spaces in Between // Journal of History of Science and Technology. Vol.5. 2012. 119 p.
82. Musgrave T. The Multifarious Mr. Banks. From Botany Bay to Kew, the natural historian, who shaped the world. Yale: Yale University Press, 2020. 368 p.
83. O'Malley T., Meyers A.R.W. The Art of Natural History: Illustrated Treatises and Botanical Paintings, 1400–1850. Washington, D.C.: National Gallery of Art, distributed by Yale University Press, 2008. 280 p.
84. O'Brien P. Joseph Banks: a life. London: The Harvill Press. 1987. 328 p.
85. Prince S.A. Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730-1860 // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 93. No. 4. 2003. P. i-xviii, P. 1-113.

86. Schiebinger L., Swan C. Colonial Botany: Science, Commerce, and Politics in the Early Modern World. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 346 p.

87. Sigrist R., Widmer E.D. Thaining links and transmission of knowledge in 18th Century botany: a social network analysis // REDES – Revista hispana para el analisis de redes sociales. 2011. Vol. 21. № 7. [digital edition].

88. Sinclair W. The African Association of 1788 // Journal of the Royal African Society. 1901. Vol. 1, No. 1. P. 145-149.

89. Simpson D. Ethnographic collecting and the despotism of Joseph Banks // Journal of Maritime research. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/21533369.2020.1717166> (дата обращения: 29.04.2021).

90. Smith E. The life of Sir Joseph Banks, President of the Royal Society, with some notices of his friends and contemporaries. London: John Lane, 1809. 331 p.

91. Smith J. P. Sir Joseph Banks // Botanical Studies. 2018. № 82. URL: https://digitalcommons.humboldt.edu/botany_jps/82 (дата обращения: 29.04.2021)

92. Smith V. Banks, Tupaia, and Mai: Cross-cultural exchanges and friendship in the Pacific // Paregon. Vol. 26. № 2. P.139-160.

93. Stuffing Birds, Pressing Plants, Shaping Knowledge Natural History in North America, 1730-1860 // Transactions of the American Philosophical Society, New Series. 2003. Vol. 93, No. 4. P. i-xviii, P. 1-113.

94. Shapin S. A social history of truth: civility and science in seventeenth-century England. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 512 p.

95. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century / Yota Batsaki, Sarah Burke Cahalan, and Anatole Tchikine. Washington: University of Dayton, 2017. 406 p.

96. Thompson C. Women Travellers, Romantic-era science and the Banksian empire // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. 2019. P. 431-455.

97. Tyler-Whittle M.S. The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. London: Chilton Book Company, 1972. 328 p.

98. Fullford T. The Role of Patronage in early nineteenth-century science, as evidenced in letters from Humphry Davy to Joseph Banks // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. 2019. P. 457-475.

99. Wills H. Joseph Banks and Charles Blagden: cultures of advancement in the scientific worlds of late eighteenth-century London and Paris // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. 2019. P. 477-497.

100. Patel S. Presentations and Representations of Contact. James Cook and Joseph Banks at Tahiti. The Endeavour Voyage 1767-1771 // Journal de la Societe des Oceanistes. 2013. № 136-137. URL: <https://journals.openedition.org/jso/6845> (date of access: 31.05.2021)

101. Rose E. D. From the South Seas to Soho Square: Joseph Banks's Library, collection and Kingdom of natural history // Rethinking of Joseph Banks. Notes and records of the Royal Society. 2019. P. 499-526.

102. Sara Sophia Banks (1744-1818) was based in London and collected prints and printed ephemera, coins, medals and tokens//British Museum. URL: <https://www.britishmuseum.org/about-us/british-museum-story/people-behind-collection/sarah-sophia-banks> (дата обращения: 10.05.2021)

103. Wardhaugh B. S. Charles Hutton and the “Dissensions” of 1783-84: scientific networking and its failures // Notes and Records of the Royal Society. 2017. № 71. P. 41-59.

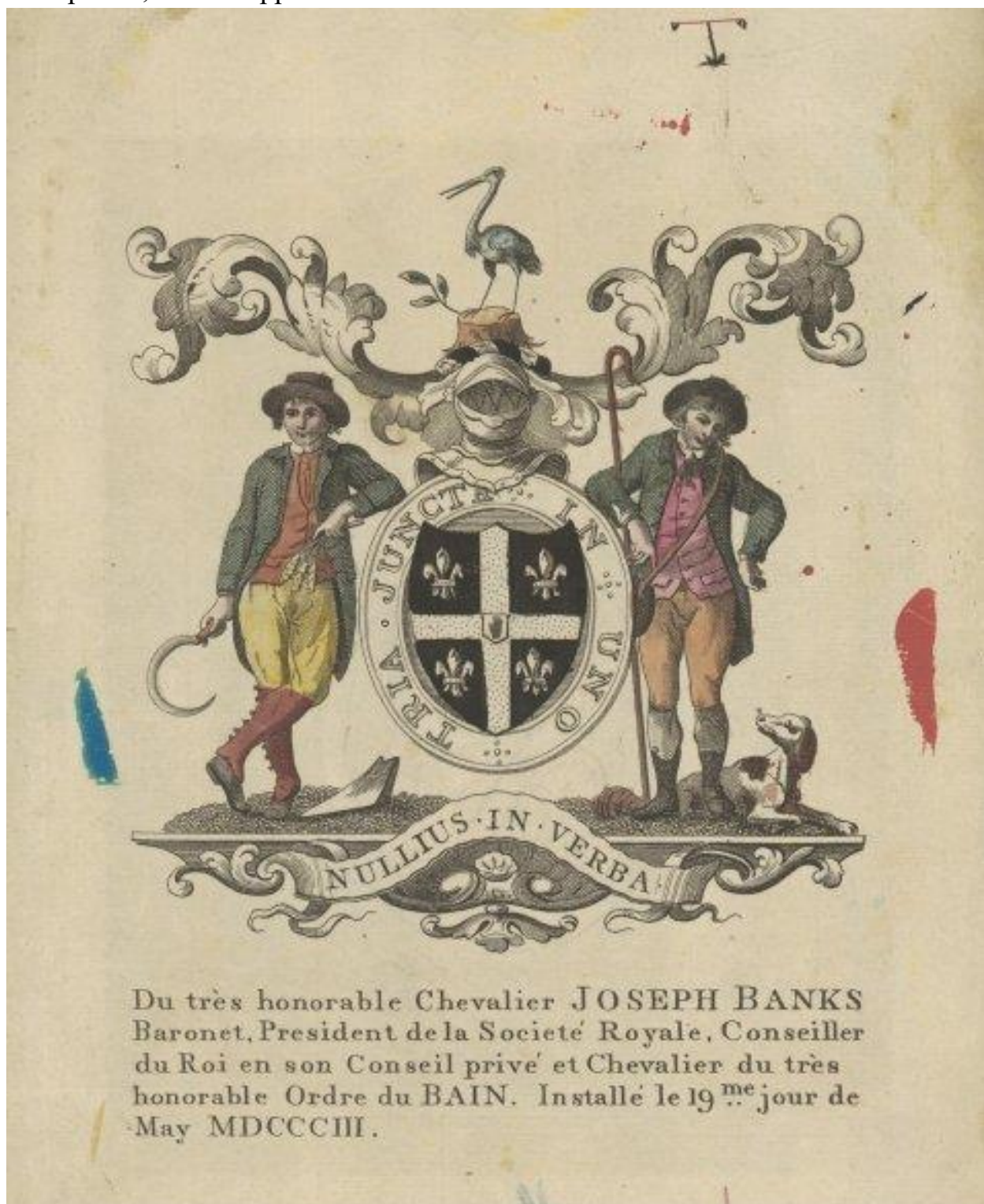
ПРИЛОЖЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение 1. Герб баронета Джозефа Бэнкса. Гравюра неизвестного художника, раскрашенная от руки. 1803. 22х17 см. Национальная библиотека Австралии, г. Канберра.....	3
Приложение 2. Дарли М. Botanic Macaroni. 1772. Гравюра. Национальная галерея Австралии, г. Канберра.....	4
Приложение 3. Великолепный Какаду, или Какаду Бэнкса. Гравюра, 1790. Гравюра выполнена Ф.П. Ноддлером по рисунку С. Паркинсона 1769 года... 5	5
Приложение 4. Рейнолдс Дж. Сэр Джозеф Бэнкс. 1772. Холст, масло, 127х103 см. Национальная портретная галерея, г. Лондон.	6
Приложение 5. Уэст Б. Портрет Джозефа Бэнкса. 1771. Холст, масло. 234х160 см. Британский музей, г. Лондон.....	7
Приложение 6. Филиппс Т. Портрет Джозефа Бэнкса. 1809. Холст, масло. 143х112 см. Лондонское королевское общество, г. Лондон.....	8
Приложение 7. Бауэр Ф. Стрелитция королевская. Раскрашенная гравюра, 1818. Австрийская национальная библиотека, г. Вена.	9

Приложение 1. Герб баронета Джозефа Бэнкса. Гравюра неизвестного художника, раскрашенная от руки. 1803. 22x17 см. Национальная библиотека Австралии, г. Канберра.

Приложение 2. Дарли М. Botanic Macaroni. 1772. Гравюра. Национальная галерея Австралии, г. Канберра.

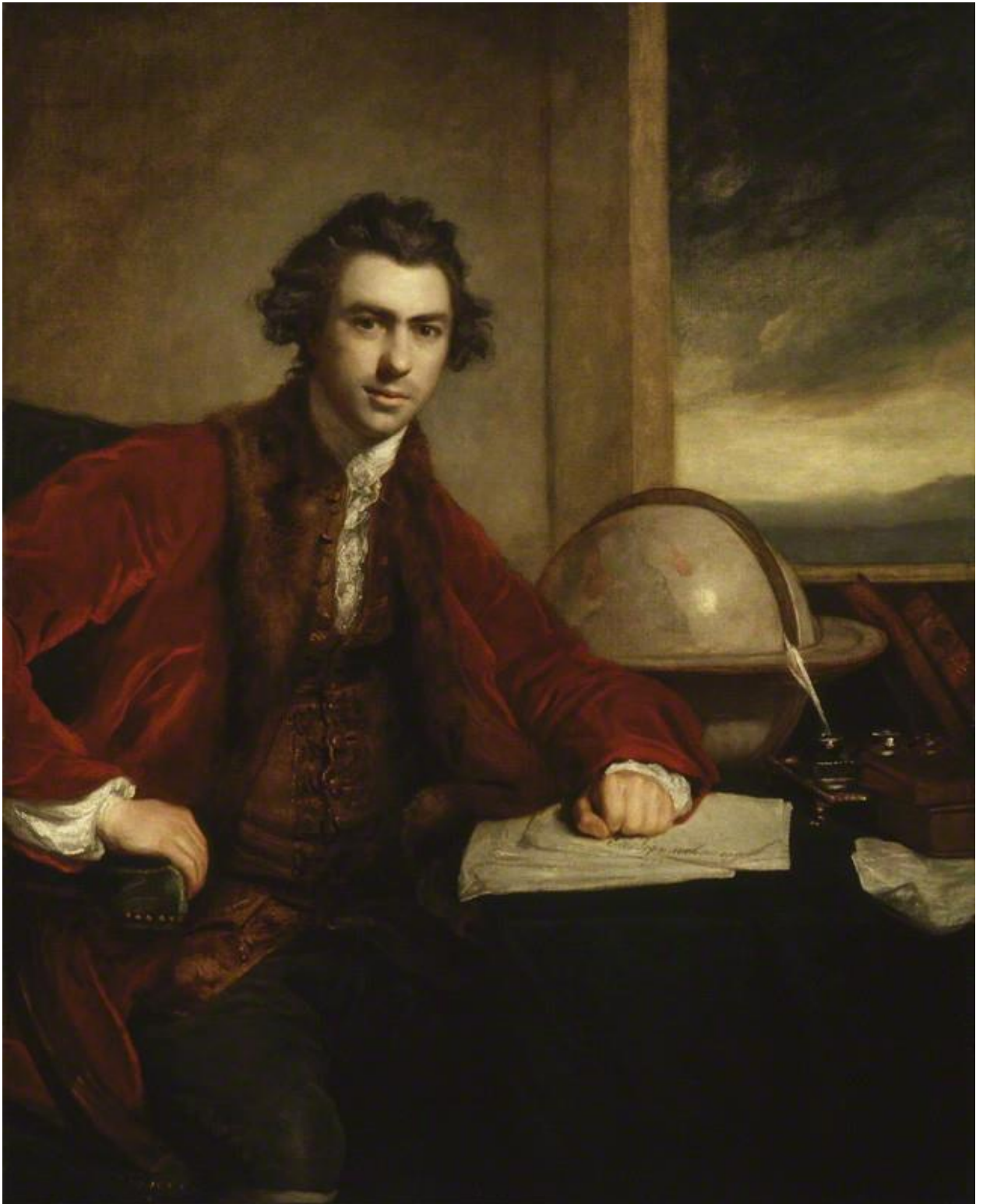

Приложение 3. Великолепный Какаду, или Какаду Бэнкса. Гравюра, 1790.
Гравюра выполнена Ф.П. Ноддлером по рисунку С. Паркинсона 1769 года.

Приложение 4. Рейнолдс Дж. Сэр Джозеф Бэнкс. 1772. Холст, масло, 127х103 см. Национальная портретная галерея, г. Лондон.

Приложение 5. Уэст Б. Портрет Джозефа Бэнкса. 1771. Холст, масло. 234x160 см. Британский музей, г. Лондон.

Приложение 6. Филиппс Т. Портрет Джозефа Бэнкса. 1809. Холст, масло. 143x112 см. Лондонское королевское общество, г. Лондон.

Приложение 7. Бауэр Ф. Стрелитция королевская. Раскрашенная гравюра, 1818. Австрийская национальная библиотека, г. Вена.

